

Глава 3 Великая российская революция

§ 1. Опасный крен

Революция — особый вид исторического движения. В сравнительно узких хронологических рамках поток событий до предела ускоряется, увлекая за собой многие, вчера еще дремавшие силы, подмывая и обрушивая ставшие ветхими общественные институты и отношения, сотрясая все вокруг грохотом призывов, заклинаний, проклятий. Российская революция 1917—1920 гг. по своим масштабам и потрясениям в ряду всех революций, известных истории, — рекордсменка. Она раскаленной лавой прокатилась от столицы «до самых до окраин» огромной империи, сметая устои, не только прогнившие, но и прогрессивные, начавшие утверждаться. В водоворот событий вовлекались все без исключения социальные слои и группы населения. Перемены коснулись буквально всех сторон жизни страны в целом и каждого человека в отдельности. Невиданные разрушения, огромные материальные, духовные и людские потери. И в то же время всплеск романтизма, возвышенных идеалов, попытка на скорую руку материализовать извечную мечту о равенстве и свободе. Искры этого грандиозного пожарища разносились по всему свету, кого-то согревая, кого-то обжигая, кого-то предупреждая об опасности «игр» в революцию в условиях XX в., наполненного столькими взрывоопасными материалами.

Яркое и трагическое историческое событие, каким стала Великая российская революция, получило отражение в отечественной и зарубежной литературе. В научных исследованиях, сборниках документов, мемуарах охарактеризованы ход революции по основным регионам страны, деятельность общероссийских и местных партий и организаций, поведение ведущих классов и многочисленных социальных групп, вождей и масс. С течением времени обозначились различные, подчас противоположные подходы к трактовке революции. Каждое идеологическое направление предлагало свое понимание «правды», объективности, полноты отражения событий. И тем не менее каждый историографический этап, срез вносили свой вклад в понимание исключительно сложного, многопланового, динамичного явления, каким стала революция. Прошедшие после нее десятилетия высвечивали все новые и новые ее грани в контексте единой, непрерывной отечественной и мировой истории.

Пытаться воссоздать гигантское неразъемное полотно революции в кратком очерке — дело безнадежное; прочертить ее путь пунктиром — породить законные вопросы об обоснованности «пропусков». На наш взгляд, возможен вариант, связанный с попыткой выявить факторы, обусловившие крутизну поворота российской истории, исключительную массовость общественных движений, ожесточенность социальных столкновений, огромный масштаб перестройки и разрушений, сущность «продуктов», полученных в результате такого катаклизма. Главное — перейти от описания революции как крупнейшего исторического события (с относительно плоскостным отражением героев, их сподвижников и врагов, идей и программ, решений и преобразований) к анализу революции как своеобразного исторического процесса, имеющего свой сложный многоступенчатый «заводной механизм», противоречивую динамику, соответствующую стадильность, непредсказуемость (во многом обусловленную стихией) конечных результатов.

Попытки целого направления отечественной историографии (с 20-х и вплоть до 80-х гг. включительно) определить «предпосылки» революции можно считать безуспешными. Зависимость между выделяемыми объективными и субъективными «предпосылками», с одной стороны, и масштабом, глубиной, результатами революции — с другой, выявить так и не удалось. Сама концепция «предпосылок» навязывала вывод о

закономерности революции, ее социалистической природе (после Октября), ведущей роли «самого прогрессивного» рабочего класса и т.п.

Из этого историографического тупика может подсказать выход постановка проблемы противоречий, накопленных российским обществом к началу и в начале XX в. Не связывая жестко дореволюционный и революционный периоды, оставляя значительное поле для проявления случайного, стихийного, субъективного, она позволяет оценить ту степень дезинтеграции общества, при которой могла совершиться революция (как вариант выхода из чрезвычайно сложного положения, в котором оказалась страна). Следовательно, изыскивается путь к пониманию и острейшей потребности перемен, и необходимости настойчивого поиска выхода из сложнейшей коллизии, и множества факторов, влиявших на исторический выбор. Таким образом, не снимается проблема альтернатив, но эти альтернативы видятся лишь в тех общественных силах, которые, выходя на арену исторического действия, реально претендовали на роль «мотора» общественного прогресса.

Уже революция 1905—1907 гг. обнажила целую группу острейших противоречий, взрывавших российское общество, сталкивавших в непримиримой борьбе различные слои и группы населения. Последующий период «замирения» и особенно участия страны в первой мировой войне добавил сюда новую весомую порцию противоречий. В совокупности поражает их обилие и многообразие. Правы были представители т.н. «нового направления» советской историографии (М.Я. Гефтер, К.Н. Тарновский и др.), определившие Россию как страну, вобравшую в себя конгломерат противоречий, характерных для всего мира в начале XX в. Возраставшая напряженность касалась буквально всех сторон общественной жизни, создавая опасный крен. Требовалась твердая и мастерская рука правителя, чтобы удержать российский корабль на плаву, не дать ему лечь на борт и перевернуться. Открывался безграничный простор для проявления исторической инициативы. Кто ее проявит? На какие цели будет взят курс? Какие средства для этого будут использованы?

В предыдущем разделе книги убедительно показано, как постепенно зрело в обществе осознание губительности консервации старых отношений и необходимости скорейшей всесторонней модернизации страны. Столь же убедительно показано, что правящие круги проглядели исключительно острую ситуацию, опасность нового социального взрыва, неохотно и непоследовательно вступая на путь разрешения вызревших социальных конфликтов и породивших их противоречий.

Для анализа природы и значения этих противоречий их необходимо сгруппировать. Представляется, что обоснованным будет выделение ряда групп (уровней), объединенных по характеру их возникновения, исторической укорененности, остроте. Это позволит выявить не только степень напряженности в обществе, но и масштаб предстоявших преобразований, которые могли и должны были совершиться и в ближайшие годы, и в сравнительно отдаленной перспективе. Следовательно, революция (возможная в этой ситуации) укладывается в рамки единого преобразовательного процесса, задачи которого ложились бы на плечи любого из правительств, оказавшегося у власти (естественно, с разным уровнем понимания и исполнения).

«Верхний» ряд противоречий составляли те, которые были обусловлены необходимостью преодолеть ставшее опасным отставание страны от передовых индустриально развитых стран (в области технологии, науки, производительности труда, квалификации кадров и общей культуры населения, вооружения армии, уровня потребления). Они обуславливали необходимость совершения Россией очередного исторического «скачка», наподобие тех, которые она вынуждена была осуществить в XVI и XVIII вв., на этапах догоняющего развития. Эти противоречия носили общецивилизованный характер и затрагивали совокупные интересы общества, в особенности тех социальных групп и слоев, которые были объективно заинтересованы в сохранении и укреплении России как великого государства, поддержании его единства и

достоинства. Начиная крутой, ускоренный поворот к мировой цивилизации с конца XIX в. передовые силы России осознавали жизненную необходимость сбросить оковы средневековья, замкнутости, изоляционизма. Главными их противниками выступали абсолютизм, остатки феодализма в деревне, на окраинах.

XX век бросал вызов России, ставя вопрос о будущем страны, ее территориальной целостности, роли в Евразийском регионе и во всем мире. Сокрушительное поражение в годы Крымской, затем Русско-японской войн, территориальные потери (на Дальнем Востоке), закрепление роли России на мировом рынке лишь как экспортера сырья, продовольствия, растущая экономическая, финансовая зависимость от развитых стран, обострение соперничества с рядом стран в прилегающих к России районах — сигналы, свидетельствовавшие об опасных тенденциях, совокупность которых не могла не затрагивать интересы народа России и всех его социальных слоев. В дверь настойчиво стучались задачи индустриализации страны, крутой перестройки аграрного сектора (в интересах мобилизации финансовых, материальных и людских ресурсов), проведения культурной революции (которую уже завершили страны Запада, воспитав необходимые кадры ученых, специалистов, рабочих, включенных в процесс индустриализации и урбанизации), демократизации всех сторон общественной жизни, создания правового государства, расширения прав и свобод личности, решения национального вопроса. Одна из сложнейших и актуальнейших задач — адекватное отражение новых общественных реалий в духовной жизни, менталитете, религии. Ветер перемен приносил с Запада передовые формы организации производства (тресты, картели, синдикаты), машинную технику (самолеты, автомобили, врубные машины, автоматическое оружие), формы политического устройства (парламентскую республику, многопартийность), идеи и концепции общественного развития (демократии, социализма). На российской почве все они давали быстрые и обильные всходы, направляя крутизну начавшегося поворота в сторону общественного прогресса. Но чем больше было свидетельств начавшегося «скачка», тем более расширялась пропасть между самыми передовыми и самыми отсталыми, традиционными институтами и отношениями. Обнажившийся разрыв нес в себе опасность растущего напряжения и столкновения. Закономерно вставал вопрос о возможной и необходимой «цене» быстрого прогресса. Все отчетливее вырисовывались контуры вероятных схваток между общиной и фермерством, унитарностью и федерализмом, монополией и полурбочим-полукрестьянином, высокотехнологизированной регулярной армией и казачеством.

На втором «этаже» противоречий располагались те из них, которые отражали специфику, особенности России, ее исключительную многоликость. В новом ракурсе проявлялись сложные взаимоотношения между географическими и экономическими районами, укладами жизни, быта. Острейшими были противоречия между крестьянами и помещиками, наемными рабочими и предпринимателями, между городом и деревней, центром и окраинами, между разными конфессиями, между русскими и представителями других народов, между самими окраинными народами, между казаками и примыкавшими к ним группами населения. Но центральным был все ярче проявлявшийся разрыв между самодержавной формой правления и интересами прогрессивных слоев населения. Весь этот богатейший спектр конфликтующих интересов представляли разнообразные партии и общественные организации — от монархических, черносотенных до либерально-демократических, леворадикальных, экстремистских. Среди них были широко представлены и национальные организации. Чем решительнее накануне и в годы войны Россия поворачивала в сторону передовых форм хозяйства, чем больше появлялось носителей прогрессивных идей и отношений, тем острее становилось их противостояние с отсталостью в области ведения хозяйства, управления общественными делами, отношений с внешним миром.

Третья группа противоречий — конъюнктурных, временных — была порождена уже тяготами и бедами мировой войны. Усиливающаяся экономическая разруха, угроза

голода, усталость от войны, озверение, огромные жертвы, миллионные людские потери, разочарование в целях войны рождали протест в самых различных слоях. Социальная база самодержавия сужалась. Последняя группа противоречий, хотя и ограниченная узкими хронологическими рамками войны, вполне могла поспорить с двумя предыдущими по степени внесения разлада, противостояния в общество, сыграть роль своеобразного детонатора.

Масштаб всех этих назревших и отчасти перезревших проблем был неодинаков, цели и идеалы борьбы виделись различными, методы и средства их достижения применялись подчас противоположные. В целом же «букет» противоречий поднимал активность самых разнородных слоев населения, рождая в совокупности огромную приливную волну социального нетерпения. Возникла настоятельная потребность смены модели общественного развития — от самодостаточности и замкнутости к открытому обществу, активно обменивающемуся с другими странами всеми достижениями в области материального производства и духовной жизни; от противостояния различных социальных сил к поиску гражданского согласия вокруг первоочередных общегосударственных, общенациональных интересов. России было и что заимствовать, и что предложить другим народам. Принцип паритета давал возможность и резко ускорить через всестороннюю модернизацию темп общественного развития, и на новых основах закрепить православие, духовность россиян, их самосознание.

Видимо, еще в начале века под влиянием революции 1905—1907 гг., когда российское общество не достигло еще такой степени самораспада, был последний «разъезд», на котором можно было еще сравнительно безболезненно повернуть на путь буржуазно-демократического развития. Однако российский «состав» с грохотом проскочил его, набирая скорость.

Тесное взаимодействие и взаимовлияние в российских условиях всех групп противоречий, их тесное переплетение создавали неординарную ситуацию, рождали эффект домино: вспышка в одной части общества могла быстро распространиться и на другие, привести к тотальному взрыву. В этом заключался один из признаков углубляющегося системного кризиса общества. Попытка проведения Столыпинской аграрной реформы указала на реальность такой динамики. Можно констатировать парадоксальность ситуации, когда, с одной стороны, правитель, не способный решить многочисленные проблемы, мог быть сметен под напором общественного протеста; с другой стороны, тот правитель, который брался за решение всех этих проблем, был как бы обречен на поражение перед лицом неизбежных огромных трудностей по их разрешению. Если принять это положение, то, видимо, станет многое понятным в деятельности (бездеятельности) Николая II и его окружения, которые понимали (скорее чувствовали) если и не тупиковость, то, по крайней мере, исключительную трудность крупных политических маневров. Фатальной неизбежности революционного взрыва не было, но разнообразный горючий материал для него был готов.

При всем разнообразии вызревших социальных и прочих конфликтов среди них выделилось (не обособляясь, а выполняя некую организующую роль) несколько, создававших особые широкие потоки общественной активности.

Основным, по всеобщему признанию, для России оставался аграрный вопрос, вокруг решения которого разворачивалась аграрно-крестьянская революция. Она имела своих «действующих лиц», свои специфические социальные интересы, политические организации (земельный вопрос рассматривался в программных документах большинства партий, но особенно народнического, эсеровского направления), идеологию и идеалы (закрепленные в крестьянских наказах). Накал крестьянских выступлений определял, в конечном счете, температуру оппозиционных настроений в стране.

По мере индустриализации страны, организационного и идейного сплочения рабочих, опиравшихся на беднейшие слои, наемных рабочих в деревне, в качестве относительно самостоятельного оформился поток пролетарско-бедняцкий.

Столь же быстро пробивало свое русло полноводное национально-освободительное движение, подпитываемое борьбой многочисленных этносов за свои политические, экономические, религиозные, культурные права.

В годы войны сформировалось антивоенное движение, в котором участвовали представители разных слоев населения.

Самым активным, наступательным, массовым, организованным (в той мере, в которой это было возможно в обстановке самодержавия, реакции после подавления первой революции), вбравшим в себя «соки» параллельных оппозиционных и революционных течений, было общественное движение, объединенное под флагом демократизации, смены политического режима, установления конституционного порядка. Оно было наиболее продвинутым по степени реальных завоеваний (зачатков конституции и парламентаризма, укрепления земств и городских дум), теоретического обоснования (в свете опыта передовых стран Европы и Америки), наличия общенациональных лидеров (представленных главным образом в Первой — Четвертой думах).

Каждый из этих крупных потоков, в свою очередь, опирался на разнообразные слои, которые по мере отвоевывания позиций рассчитывали реализовать свои специфические программы. Крестьянство распадалось на зажиточных, середняков, бедняков. Столь же неоднородным был рабочий класс в зависимости от профессии, квалификации, заработной платы, связей с деревней. Пестрым был состав национально-освободительного движения, где под лозунгом национальных интересов объединялись бюрократия, предприниматели, родовая знать, интеллигенция, духовенство, рабочие, деревенское население. Это грозило обострением внутренней борьбы, непредсказуемыми комбинациями оппозиционных сил. Революция 1905—1907 гг. уже недвусмысленно «намекнула» на опасность такого лавинообразного обвала.

В совокупности все эти оппозиционные (революционные) силы перегружали общество настроениями недовольства, неопределенности, отчаяния, готовности к открытой схватке. Они на время объединили, казалось бы, несводимые антифеодальные и антикапиталистические, общедемократические и узкоклассовые интересы. Включалась активность и предпринимателей, и средних, и пролетарских, и люмпенских слоев, каждый из которых приносил накопленный опыт защиты собственных интересов (от заговоров, революционных схваток до бунтов, пугачевщины). Активно обсуждался и перенимался и зарубежный опыт решения назревших общественных проблем.

Такое уникальное, с точки зрения мировой истории, сочетание разных типов движений создавало возможность единовременной активизации, разового выплеска накопленной социальной активности, что могло поставить власти перед трудноразрешимыми задачами. Раскаленным очагом, над которым быстро активизировались эти движения, могла стать мировая война. Но это же обстоятельство несло в себе огромную опасность последующего распада единого фронта оппозиции, развязывания тотальной гражданской войны. Страх перед подобным возможным финалом останавливал на пороге революции всех здравомыслящих людей. И лишь «буревестники» революции призывали: «Пусть сильнее грянет буря».

Подспудно рождавшиеся и все ярче проявлявшиеся деструктивные тенденции могли стать ведущими лишь за гранью потери управляемости обществом, паралича государственной власти. Здесь, у критической черты, должны были проявиться и накопленный за века опыт монархического правления, и личные качества венценосца. У этой черты решался вопрос об исторической ответственности правящей элиты, которая могла и должна была не допустить трагического срыва.

Однако из окон Зимнего дворца плохо просматривались бескрайние просторы российской действительности. Неясными, размытыми проступали контуры народных выступлений. Политические баталии в столице рождали иллюзии знаний реальной обстановки. И царедворцам, и думцам казалось, что нараставший из глубины российской

жизни гул недовольства не прорвется наружу. Хотя ощущение грозящей опасности нарастало, однако поражало отсутствие адекватной политической воли.

Сложившаяся ситуация не объясняет ни непосредственную причину начавшейся в феврале 1917 г. революции, ни тех конкретных обстоятельств, которые обусловили взрыв народного недовольства. Она подводит к пониманию более общей проблемы — той степени «перегретости» общества социальным недовольством, при которой нужен был лишь повод для начала революционного обвала.

§ 2. Февральский рубеж

Февральско-мартовский переворот был быстротечным по темпу, крайне широким по составу участников революционного выступления, стихийным, хаотичным по объему решаемых первоочередных задач, столичным по характеру преобразований (смене центральной власти). Это была своего рода яркая вспышка, осветившая из одного источника всю необъятную Россию. В лучах этого света рельефно обнажились все накопившиеся за предыдущие десятилетия тревоги, боля, надежды. Появилась верхняя планка начавшегося революционного процесса. Как далеко этот процесс пойдет? Где будет нижняя планка? Какие группы населения будут вовлечены в этот поток? Что он сметет на своем пути? Какие политические силы вынесет на гребне в зону разлива, плавного созидательного течения? На эти непростые вопросы ответ давало лишь время. Свой вклад в конечный результат вносили вожди революции, стремительно всплывшие на поверхность политической жизни из разных слоев населения, политические партии, пытавшиеся «рулить» на терпящем бедствие корабле, различные группы населения, использовавшие революционный взрыв для решения своих специфических задач. В конечном итоге черты возникавшего нового российского общества зависели от того, как далеко разрушительная волна, зародившись в столице, прокатится по стране, вбирая в себя огромную энергию протеста и преобразования, с каким «материалом» она вернется обратно.

Для начавшейся революции с первых ее актов была характерна важная особенность, заключающаяся в отсутствии организованного, сплоченного сопротивления. Ни одна социальная группа, ни одна область страны («вандея») не выступила открыто под знаменами контрреволюции. Сторонники свергнутого режима ушли в тень, уже не играя в дальнейшем существенной роли в политической борьбе. Такая первоначальная легкость победы до предела расширила границы возможных преобразований. Но не способствовала ли она, при отсутствии внешнего активного врага, быстрому распаду самого революционного лагеря?

Первые месяцы — с марта по июль — вселяли надежду, что революция, неизбежно развиваясь, стремясь к политическому завершению (через созыв Учредительного собрания, утверждение конституционного устройства), останется в своих исходных, достаточно широких буржуазно-демократических рамках. О такой возможности говорил ряд обстоятельств. Во-первых, общность понимания природы совершаемой революции основными политическими силами, партиями и движениями (от октябристов, кадетов, кооператоров до меньшевиков, эсеров, национальных партий, крупнейших профсоюзов). На первых порах не составляли исключение и большевики (хотя с апреля и начавшие вооружаться ленинской установкой на переход от буржуазно-демократической революции — первого этапа Великой российской революции — к социалистической — следующему этапу). Во-вторых, характер первых преобразований, отражавших интересы абсолютного большинства населения страны, вовлекавших их в единый поток демократического обновления общества. В-третьих, активная, хотя и в рамках разных военных и геополитических интересов, поддержка революции странами Антанты и Четверного союза. В-четвертых, быстрое разрушение пирамиды самодержавной монархической власти и начало строительства демократической системы управления.

«Несущей конструкцией» формирующейся структуры демократии выступала система новых исполнительных органов власти (законодательная и судебная ветви могли образоваться лишь на основе будущей Конституции). Вертикаль новой демократической власти, начало которой было положено созданием 28 февраля Временного правительства, продолжили в столице и на периферии (в губерниях, уездах, волостях, городах) комиссары, комитеты общественной безопасности (получавшие разное название), опиравшиеся на сохранившиеся от дореволюционного времени выборные общественные органы — земства, городские думы, а также резко поднявшие свою роль общественные органы — кооперативные, продовольственные, земельные, профсоюзные комитеты, больничные кассы, исполкомы просветительных обществ и т.п. Эта разношерстная система исполнительных органов удовлетворяла интересы большинства социально активного населения (от крупных предпринимателей до пролетарских слоев города и деревни), но в «переложении» применительно к данному этапу революции — буржуазно-демократическому. Состав первого правительства, включавший октябристов, социалистов, но главным образом кадетов, нацелил страну на модернизацию всех областей общественной жизни на принципах демократии, частной собственности, целостности государства и защиту его глобальных интересов участием в мировой войне. Программа (Декларация) правительства, обнародованная 3 марта, предлагала совокупность мер, разворачивавших Россию в сторону прогрессивных тенденций, подкреплявшихся инициативой высших и средних слоев городского и сельского населения. Предлагаемая модель общественного устройства предполагала устойчивое развитие страны без обострения социальных конфликтов, без дальнейших потрясений, с постепенной трансформацией социальной структуры по мере индустриализации и урбанизации страны.

Первым крупнейшим шагом на этом пути было провозглашение демократических свобод для всех слоев населения. Устанавливалась свобода слова, печати, собраний и стачек, профессиональных союзов. Отменялись сословные и национальные ограничения. Намечалось провести амнистию, заменить полицию народной милицией, реорганизовать органы местного самоуправления, созвать Учредительное собрание для принятия Конституции и установления формы правления. Гражданское право предоставлялось и миллионам солдат.

Демократизация, политические свободы — лишь часть той обширной программы преобразований, которые предстояло осуществить в ходе революции. Но это была та часть, которая действительно в короткий срок могла быть выполнена перенапряженным, надорванным в условиях продолжающейся уже третий год войны организмом страны. Последующие же глубокие реформы в деревне, в промышленности, на национальных окраинах неизбежно дезорганизовывали бы тыл, снижали боеспособность армии, перечеркивая усилия и жертвы, принесенные Россией в мировой войне. Таким образом, с началом революции обнажились и столкнулись интересы общегосударственные, общенародные, с одной стороны, и социальные, региональные, групповые — с другой. Дальнейшую судьбу России определяла возможность их сочетания или расхождения. Результат зависел от того, какие социальные группы укрепятся в демократических органах власти, подчинят их своим интересам. Растерянность всех участников революции перед неудержимым напором стихии в Феврале постепенно сменялась попытками преодоления пробудившейся стихии, эксплуатации ее в интересах отдельных групп населения, новоявленных революционных вождей всероссийского и местного масштаба. Совместились во времени два противоречивых процесса — укрепление государственной власти и ее раздробление (по национальному, социальному, профессиональному, региональному признакам). На этапе революционной ломки «старого» обе эти тенденции дополняли друг друга при поиске элементов «нового». Проблема перспектив революции заключалась не столько в их наличии, сколько в характере взаимодействия. Победит ли

тенденция централизации, унификации, или возьмет верх тяга к раздроблению, дезинтеграции? С марта по июль доминировала первая линия, с августа 1917 г. — вторая.

Меры по демократизации общества своей широтой и глубиной на несколько месяцев опьянили и объединили общество, обеспечив относительное согласие всех революционных сил. Сложился временный «союз» буржуазных и мелкобуржуазных средних слоев. Ощущение и ожидания коренных перемен большинством населения России укрепили оборонческие, патриотические настроения. Повсеместно развернулась работа по образованию новых органов власти, обновлению политических программ, созданию многопартийной системы. Пресса отражала все оттенки политической мысли, общественных настроений, демонстрируя подлинный плюрализм, терпимость к оппонентам и готовность к открытому диалогу.

Но то, что на короткое время сплачивало общество, далее уже подталкивало к расхождению, противостоянию, борьбе отдельных групп населения. Демократизацию в политической сфере большинство населения расценило как необходимый и желанный, но лишь первый шаг на пути реализации различных социальных программ. Революция из стадии политической органично перетекала в стадию социальную. Все многочисленные противоречия, накопленные Россией к 1917 г., через поведение, требования, настроения, общественную активность различных слоев населения прорывались на поверхность, разрушая еще вчера единый фронт революционеров: одни из них звали к миру, другие — к решению аграрных проблем, третьи — национальных, четвертые — профессиональных и т.п. В свою очередь, каждый из крупных сегментов дробился на более мелкие. Национальные партии и движения разбредались по национальным квартирам; в крестьянском движении появлялись признаки раскола, вызванного делением деревни на имущие и беднейшие слои; среди рабочих явственно проявлялись различия в требованиях высокооплачиваемых и низкооплачиваемых категорий и т.п. Таким образом, Российская революция демонстрировала одну из своих характерных особенностей — самодвижения и распада, вытекающих из сверхперегруженности ее разнообразными интересами и целями.

Этот переход от первого — политического — этапа революции ко второму — социальному — мог быть совершен или эволюционно — на основе объявленных и активно проводимых сверху реформ, или революционно — через очередную смену власти. Вторая линия насаждалась экстремистскими элементами, в первую очередь большевиками. Обстановку пробуждения стихии массового недовольства они использовали для перехватывания тактических требований буржуазных и социалистических партий с целью завоевания их сторонников. Так, несмотря на несоответствие своим программным требованиям, они заимствовали у эсеров требования социализации земли, «черного передела», укрепления мелкого единоличного хозяйства в деревне. Также быстро большевики «перевозвооружились», подхватив требования национал-демократических партий о самоопределении, праве народов на свободный выход из России. Таких политических, пропагандистских «кульбитов» было много. Однако результат (завоевание лидерства в революционном движении) перекрывал сомнения части большевиков, связанные с фактическими «отступлениями» от доктрины.

Носителями двух основных тенденций в развитии революционного процесса выступали Временное правительство (с подчиненными ему местными органами власти) и центральные советские органы (с обширной сетью местных Советов). Место, роль вторых в значительной мере определялись тем, что распад царской власти опережал процесс создания демократической. Образовавшийся вакуум заполняли различного рода политические суррогаты, появившиеся на волне революционной активности городских и сельских низов.

Советы возникали с ярко выраженной социальной окраской — как рабочие, крестьянские, солдатские и т.п., что в корне отличало их от формировавшейся вертикали общедемократических органов власти. Они несли в себе ряд родовых признаков: выступая как органы непосредственного революционного действия, самостийно вторгались во все

сферы управления, легко переступая через правовые нормы; как самодеятельные общественные органы ориентировались главным образом на специфические национальные, профессиональные, социальные и прочие текущие интересы; принимая на себя ряд полномочий по решению наиболее злободневных вопросов, подменяя государственные органы, но не имея подготовленных кадров технического аппарата, средств, выступали главным образом как сила деструктивная. И еще важная черта — сложившись фактически на пустом месте (если не учитывать кратковременного опыта 1905 г.), без традиции, культуры, выверенного практикой опыта, Советы вынужденно формировались как околопартийные органы, заимствуя у активно действовавших партий их кадры, организационные навыки, методы работы в массах. Партийный дух царил в коридорах Советов. Сами партии — как теоретические, идеологические, организационные лидеры — со временем менялись, а этот дух оставался стойким: сначала эсеро-меньшевистский, затем большевистский.

Вернувшись в Россию в апреле 1917 г., Ленин разглядел в Советах их возможный потенциал как инструментов борьбы за власть в ходе углубления революции. В рамках этой гипотетической модели служебную роль играл тезис о двоевластии, якобы установившемся после Февраля. Положением о двоевластии (хотя Ленин одновременно констатировал, что Советы — еще «неразвитое», «слабое, зачаточное» правительство) искусственно поднималась значимость Советов, которые фактически не являлись второй самостоятельной властью, а выполняли хотя и важную, но все-таки вспомогательную роль в общей системе демократических органов власти. Соглашение, заключенное между Временным правительством и Петроградским советом 2 марта, помогло каждой из сторон закрепить свое место в сознании широких масс населения как органов новой власти. Однако это было не равноправное партнерство и не фактический раздел власти. Сам Ленин констатировал, что эта «зачаточная власть», руководимая эсерами и меньшевиками, «сама и прямым соглашением с буржуазным Временным правительством и рядом фактических уступок сдала и сдает позиции буржуазии».

Для Ленина в Советах самой важной была сторона, связанная с характером социального представительства. Следуя сугубо классовому принципу в трактовке природы государства, Ленин принципиально противопоставил Временное правительство, как власть буржуазно-помещичью, Советам, как власти рабоче-крестьянской. Соответственно концепция двух диктатур выстраивала сценарий не социального партнерства, а непримиримой классовой борьбы; не упрочения основ демократии в рамках существующей социальной структуры общества, а ломки того и другого в угоду интересам беднейшего населения. Положением о двоевластии Советам выдавался своеобразный аванс: они провоцировались на борьбу за первые роли, одновременно перегружались конфронтационным духом (в борьбе и с Временным правительством, и внутри самих Советов между партиями за ведущую роль, господство). Активность Советов подогревалась теоретически и исторически не доказанным тезисом о том, что советские органы власти представляют собой **«высший»** тип демократического государства», утопическим положением о последующем отмирании государства через советы как органы пролетарской диктатуры. Тем самым отвергался вариант возможного постепенного «вмонтирования» Советов в будущую стабильную систему демократических органов власти; сами Советы становились полем острейшей политической борьбы в ущерб остальным направлениям деятельности. В первичную клетку Советов был вживлен тлетворный микроб классовой борьбы.

С февраля по июль Советы развивались противоречиво. С одной стороны, они укреплялись, набирали опыт практической деятельности. С другой стороны, усиление проправительственных структур оттесняло Советы на периферию властного поля. Судьба Советов, а вместе с ними и всей складывавшейся демократической системы власти зависела от того, сможет ли Временное правительство вбить клин, оторвать от Советов нарастающее оппозиционное движение или позволит им выступить единым фронтом под

лозунгами перерастания в новую стадию (социальную) и соответствующего изменения характера власти (ее советизации).

Расслоение революционного движения после Февраля не приобрело вначале резко очерченных границ. Но в ходе мощных демонстраций в апреле, июне, июле в столице и ряде других городов против политики Временного правительства оно стало не только очевидным, но и своеобразным «мотором» дальнейшего развития революции. Все три политических кризиса означали рост оппозиционных настроений, увеличение числа участников движений протеста против внутренней и внешней политики Временного правительства, радикализацию требований. Они все шире сопровождались лозунгами недоверия правительству и перехода власти к Советам. Однако опрокинуть первоначальное соглашение они оказались не в состоянии. Во всех случаях центральные органы Советов выступали фактически в роли миротворцев, выражая доверие Временному правительству. Этот компромисс опирался на принципиальное признание революции как буржуазно-демократической и стратегическую задачу удержания ее в этих рамках. Требования демонстрантов (скорее — их организаторов) приходили в противоречие с интересами широких слоев города и деревни, удовлетворенных первыми достижениями революции, идеями обещанных реформ. Правительство объявило о своем стремлении добиться скорейшего заключения мира без аннексий и контрибуций, установления государственного и общественного контроля над производством и распределением продуктов, регулирования землепользования во имя интересов народного хозяйства и крестьянского населения, усиления налогообложения верхних слоев, укрепления центральных и местных органов власти, созыва в короткий срок Учредительного собрания (из Декларации первого коалиционного правительства, опубликованной 5 мая 1917 г.). Немалую роль играл психологический настрой различных категорий населения, испуганных эксцессами революции, репрессиями, погромами, разбоем, жестокостью, многочисленными пророчествами насчет кровавой гражданской войны. Проходила перегруппировка в обществе, в основе которой лежало уже отношение к самой разворачивающейся революции. Большинство социально активной части населения, поддержавшей революцию на этапе свержения самодержавия, провозглашения демократических свобод, перерастало в большинство протестующих против подрыва устоев молодой неокрепшей демократии. Возвращаясь неоднократно к урокам июльского выступления, Ленин в дальнейшем должен был признать, что провинция и армия в тот момент не поддержали бы попытку насильственно изменить характер власти.

Сама же попытка большевиков в июле подвести массы петроградских рабочих, солдат к этой опасной черте вызвала сплочение всех демократических сил. На большевиков обрушились репрессии (аресты ряда лидеров партии, закрытие «Правды»), Ленин вынужден был скрыться в подполье, была развернута широкая пропагандистская кампания по дискредитации большевиков за их якобы контакты с германским командованием. Укрепился блок правящих партий, в числе которых наряду с кадетами прочное место занимали и социалисты (после их вхождения в состав коалиционного правительства с мая 1917 г.).

Летом была пройдена критическая точка развития революции. Теперь открывалась возможная перспектива стабилизации власти на основе соглашения ведущих политических сил, проведения демократических выборов и созыва Учредительного собрания, уточнения, опираясь на решения Собрания, параметров нового общественного строя России.

Главным смотром демократических сил стало Государственное совещание, созванное Временным правительством 12—15 августа. На нем прозвучали призывы, поддержанные большинством участников, укрепить государственную власть в центре и на местах, пресечь противоправную деятельность экстремистских организаций, укрепить армию, сплотить все слои населения во имя победоносного завершения войны.

Однако этот смотр одновременно выявил и намечавшиеся глубокие различия во взглядах его участников на перспективы и содержание революции. Четко обозначилась группа (командный состав армии, казачества, крупные предприниматели, поддерживаемые зарубежными вкладчиками капиталов, высшие слои бюрократии и интеллигенции, либеральные помещики), жаждавшая сильной, твердой, централизованной власти, порядка в тылу и на фронте, дисциплины, защиты интересов бюрократии и собственности. Эта часть общества была готова ограничиться «малой» революцией во имя высших интересов государства, народа. Приплюсовав к своему экономическому господству и доступ к рычагам политической власти, они постепенно покидали ряды революционеров, сплываясь вокруг идеи стабилизации, законности, порядка. В глазах своих вчерашних союзников они превращались в контрреволюционеров.

Менее определенной была программа центристской «революционной демократии», ориентированной на требования средних слоев, но не решавшейся настаивать на их реализации вплоть до созыва Учредительного собрания, окончания войны. Представители социалистических партий словесную риторику по поводу завоеваний революции не подкрепляли ясной программой очередных преобразований. На давление масс снизу они отвечали усилением исполнительной власти (через институт комиссаров), применением карательных мер против нарушителей законности, расширением полномочий правительства и его главы. Быстро приходило понимание, что путь к демократии лежит через временное и широкое использование элементов авторитаризма. Складывалась концепция демократической диктатуры. Ее контуры просматривались в «Декларации Временного правительства» от 8 июля. Правительство обещало действовать с той «энергией и решительностью, какие требуют чрезвычайные обстоятельства времени». Отделяясь туманными обещаниями решить неотложные земельный, рабочий, национальный и другие вопросы, Декларация призывала к введению жестких мер против попыток самочинно решать насущные проблемы. «Правительство спасения революции» (нареченное так социалистами, лидерами Советов) в качестве главного противника, главной подрывной силы рассматривало леворадикальные элементы. Председателем правительства стал эсер А.Ф. Керенский, министром внутренних дел — один из лидеров меньшевиков И.Г. Церетели. Правительство обещало 17 сентября созвать Учредительное собрание.

Учитывая предстоящую острую борьбу при выборах в Учредительное собрание, правительство взяло курс на вытеснение из системы власти (особенно в провинции) всякого рода самочинных организаций. Основной удар наносился по комитетам общественной безопасности, Советам. Резко ограничивались права губернских, уездных, волостных земельных комитетов. Усиливались аппарат и полномочия комиссаров. В составе губернских комиссаров 37,85% были эсерами, 21,56% — меньшевиками, 11,76% — энесами. Следовательно, и среднее звено исполнительной власти уже существенно «порозовело», закрепляя важную роль социалистов в строительстве полномочной, централизованной, твердой государственной власти. Позиции социалистов усилились и в самом Временном правительстве после изменения его состава 23 июля.

Третью группу участников Государственного совещания составляли представители леворадикальных партий — левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, большевики. Двойственность их положения заключалась в том, что своим присутствием на Совещании они фактически освещали процесс стабилизации демократической власти. Однако своими программными установками, тактическими целями они должны были раскачивать властный «корабль». Это противоречие большевики разрешили, покинув Совещание, обратившись к рабочим Москвы (где проходило Государственное совещание), ряда других городов с призывом бойкотировать Совещание, выразить свой протест массовыми забастовками, демонстрациями. Этот призыв был услышан и поддержан.

За обнаружившимся разбросом политических интересов на второй план еще отходили периферийные противоречия, отражавшие противостояния между центром и регионами, между русскими и другими национальностями, между различными конфессиями и т.п. Хотя волна демократизации подхлестывала и их, выводя на одну «линейку», однако многоликость, многоцветие революции не перерастали еще в стадию открытого размежевания и противоборства основных революционных отрядов.

При данном раскладе сил, когда сложилось хотя и неустойчивое, но тем не менее равновесие, открылась реальная перспектива путем созыва Учредительного собрания стабилизировать политическую систему, крупнейшую ошибку допустил первый блок политических сил. Переоценив свою роль (как ведущей политической, культурной, экономической, духовной силы), он пренебрег тем обстоятельством, что хрупкое согласие в обществе держится большей частью еще на Слове, на Авторитете и Доверии к политическим лидерам. Убрав эти «устои», они обрекли общество (в случае своего поражения) на быстро ускоряющееся движение под гору.

Еще с весны 1917 г. по инициативе крупных предпринимателей, генералитета шла скрытая финансовая и организационная подготовка политического переворота, чтобы избавиться от вынужденного союза с социалистами, ввести режим «твердой власти» (с опорой на армию, милицию, казачество), подавить стихийные беспорядки на фронте и в тылу. За кулисами Государственного совещания уже прорабатывались детали путча. На роль руководителя переворота был выдвинут верховный главнокомандующий Л.Г. Корнилов.

Реальной стала опасность установления генеральской диктатуры. Образ и характер ее подсказывали введение смертной казни на фронте, военно-полевых судов, аресты «подрывных» элементов в армии, запрет на распространение большевистских газет, на участие солдат в выборных органах (Советах, полковых и ротных комитетах).

Такой трагический поворот, связанный с отказом от ряда завоеваний демократии, ломал весь сценарий постепенного изживания революционности, перехода страны на путь глубокого и последовательного реформирования всех областей общественной жизни. Непосредственным результатом корниловского мятежа (25 августа — 1 сентября) была резкая активизация центра и левого крыла революционных сил. Временно сложился их союз во имя сохранения завоеваний революции. Поднялся авторитет «революционной демократии» и всех партий, входивших в этот блок. Влияние кадетской партии, как в определенной мере соучастницы заговора, резко упало. Власть в государстве еще больше «порозовела». 27 августа распалось второе коалиционное правительство. На смену ему пришла Директория (высший исполнительный орган, состоящий из пяти министров во главе с Керенским), сделавшая еще один шаг в сторону демократической диктатуры.

Исторический вызов, брошенный ходом российской революции основным политическим силам России, теперь был обращен к демократическому центру — левому крылу кадетов, меньшевикам, эсерам, энесам. Однако и они оказались не на высоте. На их плечи легла слишком тяжелая ноша. Сказались отсутствие серьезного опыта участия в управлении государством, слабая связь центральных органов этих партий со своей социальной базой, амбициозность новоявленных государственных лидеров, упивавшихся огромной властью, и в то же время боязнь ответственности за распоряжение этой властью. В результате — топтание на месте, потеря темпа демократизации. Вместо ускоренного созыва Учредительного собрания — оттяжка с его выборами, вместо некоторого вынужденного ограничения демократии во имя стабилизации общества — бесконечные клятвы по поводу неукоснительного следования абстрактным принципам свободы, вместо решительной борьбы с экстремизмом слева — заигрывание с ним или недооценка его опасности. Поза, поза, поза... Увлекаемая мощным потоком молодой демократии, новая правящая элита не заметила быструю потерю доверия и поддержки со стороны широких масс населения. Керенский, социалисты вооружали своих оппонентов, новых претендентов на власть, богатым негативным опытом «звездной болезни», отказа от

решительных реформ и прямого обращения к массам, а также неумения глубоко зондировать изменяющееся общественное настроение. И этот опыт был большевиками быстро усвоен и преобразован в тактику решительного штурма.

Глубокий раскол в революционном лагере, начавшийся в августе, в последующие недели и месяцы принял лавинообразный характер. «Медовый месяц» демократии завершился.

Революционный поток, неожиданно наткнувшись на корниловскую «плотину» (попытку ее построить), круто повернул влево. Ускорив свой бег, он забурился, прокладывая новые русла, разбегаясь по массе рукавов. Некоторый баланс сил, установившийся к концу лета между центральной властью и местной инициативой, был нарушен в пользу последней. Нарастали стихия, хаос, анархия, «пугачевщина». Жажда власти (столь доступной на революционной волне) одних сочеталась с нетерпением, озверением, романтическими ожиданиями других участников леворадикального крыла. «Человек с ружьем» играл все большую роль и в тылу. Отчетливо проявлялась «стихийно-народная подоплека русской революции». Вертикаль исполнительной власти, увенчанная Временным правительством, обвиненная в связях с корниловцами, зашаталась, теряя первоначальную массовую поддержку. Земства, городские думы оказались слабой опорой. Зато резко возростала роль одной из боковых ветвей революционной власти, состоявшей из Советов, революционных комитетов, комитетов спасения, множившихся после августа. Глубокий кризис демократии давал шанс на выдвижение к вершинам власти учреждениям, несшим в себе угрозу антидемократизма, тоталитаризма. Их подпирала теоретические конструкции социалистической революции, в основе которых лежали идеи диктатуры пролетариата, классовой борьбы, насилия как повивальной бабки прогресса, смены формаций. Акцент в революции все больше смещался в область разрушения, низвержения, отрицания в ущерб созиданию, строительству, приращению.

Августовские события наглядно показали, насколько в России оказались еще слабыми и капиталистические отношения в целом, и предпринимательские и средние слои в обществе, и накопленные до революции и вновь приобретенные после ее начала демократические институты и принципы. Эти события выявили просчеты и ошибки лидеров революции, их поспешность с отказом от монархической формы правления как исторически сложившегося «обруча», который мог бы удержать общество от экстремизма, эгоизма, романтизма, революционаризма. Была доказана правота части либералов (Милюкова и др.), рассматривавших монархию как некую, выверенную веками ось государственного управления, без которой неизбежны безвластие, анархия, путь к гражданской войне. Утрачивала свою авангардную роль интеллигенция, расплачиваясь за оторванность многих ее представителей от реальной жизни, за незнание потребностей общества, за склонность к возвышенным идеальным схемам, бунтарство, воинствующий атеизм. В глубоком кризисе находилась и православная церковь, потерявшая опору в лице монархии, переставшая быть государственной, но не определившая достаточно четко своего отношения к революционным переменам в обществе. Временное правительство растеряло потенциал патриотизма, державности. Слишком радикально рассчитавшись с политическим прошлым, буржуазно-демократическая революция делала проблематичным свое будущее.

Если после июльского кризиса наметилось явное замедление советского движения, то в ходе и после подавления корниловского мятежа маятник резко качнулся в другую сторону. Общественно-политическая обстановка в стране явилась благотворной для распространения лозунга «Вся власть Советам!». Активизация Советов проявилась односторонне. Иницируемая снизу — солдатской, рабочей, крестьянской массой, она всячески тормозилась сверху — Центральными исполкомами Советов. Их партийные лидеры, противясь советизации, иначе понимали сущность российской революции, природу демократии, перспективы развития страны, тенденции развития общемировой цивилизации. Значительная часть меньшевиков и эсеров, все больше разочаровываясь в

коалиции с кадетами, не готова была еще к разрыву с ними. В свою очередь, большевики «оседлали» лозунг «Вся власть Советам!», используя его не только для углубления революционного движения, но и для непосредственного прорыва (минуя стадию внутрисоветской межпартийной борьбы, о чем Ленин писал после апреля) к власти. Этот курс получал все больше «аргументов» по мере большевизации Советов, завоевания большевиками столичных (петроградского и московского) Советов, расширения опоры Советов через фабзавкомы и солдатские казармы.

Прояснить соотношение политических сил и настроений призвано было Демократическое совещание, созванное 14—22 сентября. Демократический блок усиливался участием в Совещании представителей городских дум, кооперативов, профсоюзов. Руководство Совещания отвергло предложения ряда курий о передаче власти Советам, о создании однородного социалистического правительства. Был продолжен курс на коалицию с кадетами в составе Временного правительства. Линия на социальный компромисс, на расширение демократических начал усиливалась созданием своего рода согласительной комиссии — Временного Совета Российской республики (Предпарламента), начавшего работать 7 октября и призванного провести подготовительную работу накануне созыва Учредительного собрания.

Однако эта линия демократизации, парламентаризма, реформаторства пресеклась. Она «перебивалась» другой линией, быстро набиравшей силу с осени 1917 г. Городские и сельские низы, устав от обещаний коренных социально-экономических и национальных реформ, теряя доверие к правящим партиям, испытывая все возрастающие тяготы от войны, разрухи, недоедания, все активнее, самостоятельно, независимо от властей, а чаще — наперекор им, решали свои жизненные проблемы. Камертоном для национально-освободительного движения становились решения Украинской Рады об автономизации Украины и Финского сейма о независимости Финляндии; для рабочего движения — требования о введении рабочего контроля, национализации ключевых отраслей, решительного обуздания спекуляции; крестьянского движения — массовые захваты помещичьих земель, переделы земли, поджоги имений, вооруженные схватки с солдатами и казаками. Попытки правительства и местных органов власти посулами, увещеваниями и репрессиями предотвратить, погасить это «самовозгорание» оказывались безуспешными. Собрав урожай, готовясь к голодной и холодной зиме в тылу и в окопах, беднейшие слои населения все решительнее требовали учета и защиты их жизненных, неотложных интересов.

Революция вступала в новый этап. Возможность реализации двух четко обозначившихся альтернатив ее движения зависела теперь от таланта политического руководства, от его гибкости, умения оперативно осмысливать всю толщу общественных настроений, выявлять созидательный и разрушительный потенциал основных социальных групп.

Последовательность курса демократических сил была похвальной. В нем отражались фундаментальные интересы страны, основных масс населения, закреплялись прогрессивные тенденции в развитии российского общества на основах законности, правопорядка, гражданского мира, многоукладности. Все больше укрепляясь во власти, социалисты, становясь государственными деятелями, меняли свое отношение к социальным и общенародным интересам, выдвигая на первый план общегосударственные. Однако эта линия не вбирала, не откликалась оперативно на то новое, широкое, грозное, разрушительное, что множилось на уровне обыденного настроения, поведения, психологии беднейших и истрадавших на фронте и в тылу масс.

В этих условиях незаурядный специфический талант проявили леворадикальные элементы, уловившие момент (буквально, исторический миг!), когда можно было воспользоваться слабостью, просчетом, ошибкой политического противника, чтобы положить его на лопатки.

По опубликованным работам Ленина с конца августа хорошо видно, как он скрупулезно выявлял тенденции, отмечал явления, которые обобщенно свидетельствовали об обнажившемся кризисе власти, об основных носителях протеста и сопротивления. В сентябре этот реестр быстро пополнялся, в октябре дополнялся все новыми и новыми штрихами. В этот круг включались взрыв антивоенных настроений в армии после провала летнего наступления, отчуждение солдат от офицеров после корниловского мятежа; быстрый рост вооруженных выступлений в деревне; глубокий раскол в среде меньшевиков и эсеров, появление в обеих партиях сильного левого крыла, близкого по настроениям к большевикам; отход местных Советов от центральных советских органов; кампания большевизации местных и столичных Советов; приход к руководству Петроградским городским исполкомом Советов Троцкого (вступившего в ряды большевиков); расширение большевистского крыла в столичных городских думах; усиление влияния леворадикальных партий в воинских гарнизонах в столицах и городах, расположенных близко к Петрограду (Кронштадте, Ревеле, Гельсингфорсе и др.). В этом единовременном соединении разнородных факторов заключены и элемент случайности, и некое логическое проявление самодвижения, саморазвития революционного процесса через сознание и поведение людей, не получивших еще для себя значимых результатов от революции. Линии социальной активности могли в любое время разойтись, ослабеть под влиянием тех или иных факторов. Но в данный момент законом наложения сил они создавали «девятый вал» для правящего режима, со всеми возможными разрушительными последствиями. Поэтому участие большевиков в Демократическом совещании Ленин оценил как ошибку, призвав своих сторонников бойкотировать Предпарламент.

Тактика подталкивания революции строилась не только на ряде верных оценок и обобщений, но и на не менее крупных просчетах и иллюзиях большевистского руководства. Ленин явно переоценивал уровень зрелости капитализма в России, роль госкапиталистических форм, «народность» Советов и способность их решать общегосударственные задачи, прочность союза рабочих и крестьян и т.п. Одна из таких стратегических ошибок была связана с переоценкой зрелости мирового революционного движения: «Сомнения невозможны. Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции». Поддавшись революционному поветрию, Ленин и его окружение ставили страну и народ России в невероятно трудное положение первопроходца, противостоящего всему цивилизованному миру. Проект нового общества, которое должно было возникнуть после социальной (социалистической) революции, строился не на выверенных общественной практикой принципах, а на отвлеченных, мифических прогнозах (типа введения всеобщего рабочего контроля, уничтожения постоянной армии, профессионального чиновничества, «отмирания государства» и т.п.).

Исключительно короткий срок — с конца сентября и до созыва 24 октября II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов — был использован большевиками в полную силу. За эти буквально считанные дни Лениным были подавлены сопротивление и колебания по отношению к восстанию части ЦК партии большевиков (Каменева, Зиновьева), перестроена под лозунгом практической подготовки к восстанию работа столичных и ряда региональных партийных организаций, налажены контакты с лидерами левых группировок других партий, усилена работа в армии, мобилизована Красная гвардия, на страницах большевистской прессы развернута мощная пропагандистская кампания против правящих партий. Временного правительства, Предпарламента. Ленин учитывал, что на предстоящих II Всероссийском съезде Советов и на Учредительном собрании большевики окажутся в меньшинстве и могут быть отброшены назад с непредсказуемыми последствиями. Поэтому он спешил, по дням, по часам планируя и подготавливая восстание. С другой стороны, неверие в готовность большевиков взять власть и в особенности способность ее удержать лежало в основе политики всех буржуазных и социалистических партий. Это был крупнейший и

грубейший политический просчет, определивший последующую судьбу, как их собственную, так и всей России.

Октябрьский переворот (24—25 октября) был осуществлен в Петрограде как по нотам. Власть Временного правительства пала. II Всероссийский съезд Советов своей леворадикальной частью (правая часть меньшевиков и эсеров покинула съезд), своим авторитетом освятил вооруженное выступление большевиков, передав всю власть в центре и на местах Советам. К руководству правительством пришли большевики во главе с Лениным. Великая российская революция отмерила свой очередной крупный рубеж. Но и он был не последним.

§ 3. Октябрь, Советы, большевики

Октябрьский переворот стал возможным в результате взаимодействия трех основных факторов. Первый — стремительное нарастание стихии народного протеста и самодеятельности в решении самых насущных, жизненных проблем — земли, мира, хлеба. Второй — трансформация этой народной стихии, крайне многоликой по проявлениям (от резолюций протеста до открытых вооруженных выступлений), в политическую форму с требованием передачи власти в центре и на местах в руки Советов. Третий — настойчивые усилия большевиков по максимальному расширению народного движения, по переводу его в русло борьбы за изменение характера власти, по укреплению своего лидерства в этом движении. Можно, видимо, спорить по поводу роли и удельного веса каждого из этих факторов.

Но нельзя игнорировать саму эту совокупность как решающую предпосылку состоявшегося переворота, подменяя ее каким-то одним фактором. Нельзя игнорировать огромное значение ее в определении характера и следующего этапа Великой российской революции.

Сущность этого этапа, на наш взгляд, определялась и резким возрастанием роли каждого из обозначенных компонентов, и обострением противоречий между ними, и поисками большевиков для себя новых социальных и организационных опор в обществе.

Руководство большевистской партии политически очень точно отреагировало на поднимающуюся волну революционного нетерпения, ожесточения, вооружив массы соответствующими политическими программами. Декреты II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов показали, что большевики вовремя учли негативный опыт Временного правительства: свой приход к власти они сразу же, без оттяжки, без отсылки к будущему Учредительному собранию закрепили решением самых насущных задач революции. Судьбу вопроса о земле они вручили в руки самого деревенского населения. Следом забурлила, широко разлилась, демонстрируя неимоверной силы преобразовательный и разрушительный потенциал, аграрно-крестьянская революция. Выступая составной частью общего революционного процесса (в качестве самостоятельной «малой» революции), с каждым месяцем набирая после Февраля силу, с октябрьского рубежа она в полную силу проявила свой характер, диктуя темпы аграрных преобразований, формы самодеятельности сельского населения, методы ломки не только феодальных, но и буржуазных отношений. Революция из столиц решительно шагнула в деревню, окрасившись там в свои специфические тона.

Таковую же роль сыграл Декрет о мире. Многочисленная армия на фронте, солдаты и офицеры-тыловики, демобилизованные и призывники в Декрете услышали свой голос, свои требования. Декретом намечалась программа выхода России из войны, пробуждения своим примером революционного движения во всех воюющих странах, сопутствующего решения национального вопроса для угнетенных народов.

Последующим Декретом о рабочем контроле и другими актами в ноябре—декабре 1917г. активизировалась и рабочая, пролетарская социальная «малая» революция.

В этом же ряду важнейших актов новой власти стояла «Декларация прав народов России», принятая через неделю после Октябрьского переворота и ставшая программой-

знаменем для фактически самостоятельной национально-освободительной революции, опалившей своим горячим дыханием окраинные районы страны и приведшей к развалу Российской империи (с выделением в качестве самостоятельных республик Финляндии, Украины, Азербайджана, Грузии, Армении, Литвы, Латвии, Эстонии).

В развернувшейся повсеместной ломке старых устоев Советы находили свое оправдание и предназначение, в наибольшей мере реализуя специфику своих родовых черт. В факте так называемого «триумфального шествия» Советской власти, приведшего к весне 1918 г. к победе Советов на большей части территории страны, отразились гибкость Советов, готовность их осуществлять самые разносторонние задачи, приспособляемость к разнообразным местным условиям. Молодой, неокрепший организм новых органов власти легко откликался на запросы масс, становясь орудием в защите их разнообразных групповых, классовых, корпоративных, национальных и прочих интересов.

Наблюдалось, таким образом, редкое в истории явление: революция на очередном этапе получила возможность наконец-то в полную меру выявить все богатство своих задач, целей, движущих сил. Этот взрыв гигантской накопленной ранее социальной энергии изменял картину революции. Она растекалась по необозримым просторам России крупными и мелкими потоками; формировались новые центры притяжения политических и социальных сил (в Прибалтике, на Украине, на Дону, Северном Кавказе и в Закавказье, на Волге, Урале, а Сибири и на Дальнем Востоке); возникавшие уже новые — внутриреволюционные — противоречия определяли (в дополнение к дореволюционным) последующую динамику революционного процесса.

Октябрьский переворот ускорил и довел до низшей точки распад государственной власти в России. Бездумно отбросив остатки дореволюционной центральной и местной власти (городские думы, земства, судебную систему и пр.), разрушив зачатки возникавшей после Февраля демократической власти, Советы, претендуя на всю полноту государственной власти, оказались совершенно не готовыми к выполнению новых функций. Предстоял долгий и мучительный путь приобретения практического опыта, выстраивания новой централизованной системы власти, формирования концепции государственного управления, подготовки новых кадров. Однако основная трудность заключалась в том, что Советы и не желали укладываться в единую структуру общегосударственной власти. Этому мешало то обстоятельство, что широкие демократические круги не признали легитимность II Всероссийского съезда Советов и его право на изменение характера власти в государстве, на принятие основополагающих законов. Большевистское Временное правительство (Временное — до созыва Учредительного собрания) не получило поддержки даже со стороны социалистических партий, требовавших создания однородного социалистического правительства. Сохранив правительство большевистским (при ограниченном участии «левых» эсеров), Ленин до предела сузил первоначальную политическую базу центральной Советской власти. Обратной стороной господства большевиков в правительстве явилось обеспечение максимального простора для революционизма масс, что могло расширить эту базу в будущем. Поэтому Советы, будучи органами чрезвычайно широкого демократического и социального фронта, решали трудную для себя задачу: идти ли «под руку» большевиков или объявлять им войну как узурпаторам власти. Но, пожалуй, самое парадоксальное заключалось в том, что, передавая в центре и на местах всю полноту власти Советам, II съезд Советов положил начало глубокому расколу, расслоению уже и этой, только что родившейся власти. Советы, вобрав в себя радикализм настроений средних и низших слоев населения города и деревни, стали организаторами местных движений со всем их разнообразием интересов и антагонизмов.

Выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся 12 ноября 1917 г., убедительно показали быстрое полевание масс. Буржуазные партии, растеряв доверие на предыдущих этапах революции, собрали всего 13% голосов избирателей. Не добились решающего успеха и большевики — они получили лишь четверть депутатских мест (учтем при этом

временный эмоциональный эффект Октября, пропагандистское воздействие декретов о земле и о мире). Абсолютное большинство избирателей высказалось за социалистов (они получили 427 мест из 715) и за их детище — Советы. Эта возникшая на зыбкой почве революционного настроения связка социалисты— Советы показывала, что проголосовавшие за эсеров, меньшевиков, энесов и другие партии социальные группы в построении Советов пойдут своим путем, предложат свою программу первоочередных мер, противопоставят свои Советы большевистским Советам. Голосование за социалистов не означало убежденности большинства избирателей в идеи социализма. В социализме (в его романтическом, пропагандистском восприятии) искалось нравственное и политическое обоснование для радикализма при решении насущных, злободневных задач. Поэтому социалистическое большинство включало нетерпеливую разношерстную массу населения, решившего использовать социалистический трамплин для броска (разбегания?!) в разные стороны. Неизбежная внутрисоветская борьба была, видимо, не менее, если не более, опасной для советской власти, чем открытые выступления ее противников (генерала Краснова под Петроградом, казачьих атаманов Каледина на Дону, Дутова — на Урале).

Этот этап «разбегания» Советов был естественным, логичным, отражал богатство содержания Великой российской революции. Он вмещал в себя и победу Советов, и их поражение, так как рушилась большевистская идея диктатуры «народа» через Советы. Все более ярко проявлявшееся различие природы Советов подводило их к этапу внутренней схватки по вопросу об их будущем, лидерстве, судьбе побежденных.

В первой половине 1918 г. внутрисоветский конфликт, быстро назревая, прорвался открытым столкновением разных ветвей Советов. Наиболее масштабно и бескомпромиссно это столкновение произошло между городом и деревней, между пролетарскими и крестьянскими Советами. Сельские Советы укрепили свою роль зимой—весной 1918 г. в ходе конфискации частнособственнической земли, «черного передела» крестьянских наделов, организации на новых основах внутридеревенской жизни. Они повели за собой огромные массы крестьянства и на следующем этапе аграрно-крестьянской революции — разрушения государственных налоговых повинностей, государственных монополий, твердых цен, отстаивания под флагом свободной торговли права мелкого частного собственника на «неурезанную» свободу (питаемую идеями утопического социализма и анархизма). В результате государственные заготовки продуктов питания резко упали, над армией и городским населением нависла угроза голода, нормы отпуска продуктов питания в столицах уменьшились до критических размеров. Отстаивая свое революционное право, занятая первоочередными задачами увеличения посевов, расширения поголовья скота, увеличения страховых запасов, деревня поворачивалась к городу спиной. Тенденция натурализации сельского хозяйства становилась угрожающей с точки зрения интересов экономики страны в целом. Весной 1918 г. Ленин вынужден был констатировать, что главным врагом революции стала мелкобуржуазная стихия частного собственника (крестьянина, ремесленника, кустаря, торговца). Революция открылась той своей неожиданной стороной, о которой большевики не думали, старательно развивая «концепцию» союза рабочих и крестьян.

Используя наметившийся в деревне раскол между зажиточной и беднейшей частью крестьянства по поводу характера и результатов аграрно-крестьянской революции, Советское правительство ввело продовольственную диктатуру (апрель—май 1918 г.). Созданием комитетов бедноты (комбедов) и продовольственных отрядов (вооруженных солдат и рабочих) оно фактически предъявило ультиматум деревне, сельским Советам. Условием его было: или переход на позиции пролетарской диктатуры (выполнение государственных повинностей, неэквивалентность экономических отношений), или вооруженное подавление сопротивления. Этот ультиматум, таким образом, был предъявлен большинству крестьянства, надевавшемуся в ходе революции укрепить свое

частное хозяйство. Объявление войны сельским Советам явилось первым крупным политическим столкновением на почве Советской власти.

Второй фронт борьбы — в национальных районах, где Советы, возникшие после Октября, быстро трансформировались в местные национальные органы власти, возглавившие борьбу за самоопределение народов, за автономию, отделение от России.

Таких политических фронтов по всей стране открывалось много, что свидетельствовало о тяжелом недуге Советской власти — тяге к раздроблению, обособлению, защите разнообразных групповых интересов, подводило к черте открытой борьбы. Со стороны центра это вызывало необходимость решительного подавления центробежных тенденций, поддержания лишь тех Советов, которые признавали режим пролетарской (большевистской) диктатуры. Дорогу к унификации Советов прокладывали ревкомы, ВЧК, партячейки, армейское командование. Трагедия российской революции заключалась не только в ее саморазвитии, но и в самораспаде, самоуничтожении. Идеалы революции беспощадно растаптывались ее главными «двигателями» — участниками.

Процесс подчинения социальному эгоизму не мог не затронуть и городские Советы. Хотя термин «городские Советы» не вполне точно отражает послеоктябрьскую ситуацию. Острые противоречия разъединяли городские Советы центра и периферии, губерний и уездов и т.п. Они различались по партийному составу, программам и методам работы. Лишь решительная борьба за унификацию (главным образом, методом силового давления, террора) обеспечивала относительное единство этой ветви Советской власти, хотя борьба порой приобретала открытый, военный характер (наподобие восстания в Воткинске и Ижевске осенью 1918 г.). Как и в остальных направлениях советского движения, в городе верх брали классовые, профессиональные, групповые, корпоративные интересы в ущерб государственным. Не получили поддержки попытки правительства предложить разработанную еще до Октября программу постепенного обобществления буржуазной собственности (на основе введения рабочего контроля, трестирования лишь ведущих отраслей промышленности, общественного контроля над доходами и потреблением богатых слоев, использования банков для контроля за движением товаров и т.п.). Волна пролетарского «почина» смела курс на госкапитализм, т.е. соединение нового государства в лице Советов и подконтрольных ему частнокапиталистических предприятий. Стихия национализации промышленных предприятий, конфискации банковских средств для бесконтрольного их распределения между рабочими коллективами, тяга к натуральному продуктообмену, конфискациям товаров в частных лавках и на складах, массовый переход к нормированному карточному распределению и тому подобные методы глубокого и грубого вторжения в хрупкую ткань экономических отношений делали Советы послушным орудием при проведении «красногвардейской атаки» на капитал. В угоду интересам отдельных групп рабочих разрушалась налаженная система хозяйственных связей между городом и деревней, центром и регионами, отдельными отраслями народного хозяйства.

Попытки правительства весной 1918 г. (нашедшие отражение в работе Ленина «Очередные задачи Советской власти») навести элементарный порядок в сфере управления (под лозунгом «учет и контроль»), снизить темп национализации, оздоровить финансы, оживить кооперативное движение, наладить деловые отношения с широкими слоями технической и научной интеллигенции были нейтрализованы тягой «наинизших низов» к «простым» и, с их точки зрения, наиболее эффективным решениям. И городские Советы, таким образом, становились рассадниками антагонизма, борьбы, разрушавших советскую систему. Советское правительство, вынужденное опираться прежде всего на городские рабочие Советы, становилось их заложником. Стараясь находиться хотя бы на полшага впереди этого грозного вала народной революционной инициативы, Ленин вынужден был лихорадочно развивать соответствующую «теорию» революции, фактически обслуживавшую, освящавшую, ссылаясь на марксизм, анархию революции, возводя очередные вынужденные меры в ранг принципов коммунистического

строительства. Чего стоят бесконечные смены установок в области кооперативного и профсоюзного движения, роли денег, разверстки, морального и материального поощрения, запретительных мер в отношении торговли и т.п.!

Преобладание стихии обобществления (яркий пример тому — ликвидация частной организованной торговли к осени 1918 г.) не отрицало и важной роли «доктрины», т.е. марксистской характеристики социализма, слепое преклонение перед которой большей части большевистского руководства задавало ориентиры революционным преобразованиям, подстегивало, ускоряло, подправляло их в сторону социализма. Для вынужденного обмена фабричных продуктов на продукты питания выдвигался ориентир будущего коммунистического натурального продуктообмена, для практики огосударствления кооперации — построения единой общегосударственной потребительско-производительной коммуны, для взаимопомощи деревенского пролетариата, бедноты — коммуны, совхозы.

Перед лицом углубляющегося кризиса Советской власти сама собой отпадала идея возможного политического гибрида — соединения Советов с Учредительным собранием. В реальной обстановке конца 1917 — начала 1918 г. Учредительное собрание не могло нести в себе конструктивное начало: его работа неизбежно обострила бы до предела все противоречия в обществе, став открытой ареной ожесточенной политической борьбы, попыткой антибольшевистских сил (т.е. большинства и в стране, и в стенах Собрания) «переиграть» Октябрь. Созвав 5 января 1918 г. Учредительное собрание, Советское правительство на следующий день разогнало его, откровенно продемонстрировав примат голого политического расчета. В антибольшевистском лагере лозунг созыва Учредительного собрания в той же мере стал призывом к свержению Советской власти, возврату к дооктябрьскому режиму.

В этих специфических условиях соответственно формировались принципы взаимоотношений партийных и советских органов. Организующая роль большевиков, ярко проявившаяся при передаче власти Советам, после Октября закрепилась по всем линиям: в руководстве Совнаркомом, в деятельности ВЦИК и при проведении съездов Советов, в подборе кадров для всех уровней управления. С каждым месяцем Советы все больше «приручались», фактически безропотно заняв место «приводного ремня» от партии к массам.

К лету 1918 г. наглядная демонстрация антидемократичности Советской власти и самоопределение многочисленных ветвей местной власти привели общество к тотальному противостоянию по принципу «все против всех». Многочисленные локальные восстания и движения протеста подводили к черте всеобщего взрыва. Требовался лишь катализатор, чтобы в перенасыщенном растворе началась кристаллизация вещества. Восстание белочехов в мае, высадка войск интервентов в различных частях страны сыграли такую провоцирующую роль. Начавшаяся гражданская война охватила всю страну, все общество. В стороне не остались ни один народ, ни один регион. Начинался следующий этап революции, самый глубокий и разрушительный.

§ 4. Этап гражданской войны

Убыстряющийся после Октября бег революции, обострение новых внутренних противоречий привели российское общество к середине 1918 г. к глубокому внутреннему расколу. Выделилось леворадикальное советское крыло (часть рабочих, деревенская беднота, сторонники Советов на окраинах). Ему противостояло большинство других слоев населения, не признававших необходимости социалистического «штурма», заботившихся о величии и единстве России. Отдельные вооруженные схватки переросли в полномасштабную войну.

Силы антисоветского лагеря многократно возрастали в результате поддержки их интервентами. В марте 1918 г. на Севере (сначала в Мурманске, затем в Архангельске) с военных кораблей высадились британские, американские, канадские, итальянские,

сербские войска. Мотивировалась эта экспедиция необходимостью не допустить захват германскими войсками крупных складов вооружения, снаряжения, созданных странами Антанты в северных портах России. В апреле во Владивостоке высадились японские войска. Вслед за ними, боясь японского конкурента в Тихоокеанском регионе, появились военные отряды Англии, США. К осени весь Дальний Восток был захвачен интервентами.

На Западе германские войска по Брестскому договору оккупировали территорию Прибалтики, Украины, Северное Причерноморье. Союзница Германии — Турция — ввела свои войска на территорию Армении, Азербайджана; Англия, охраняя свои интересы на Ближнем и Среднем Востоке, захватила часть Туркмении, ввела войска в Баку. Таким образом, ослабленная революцией Россия стала полем соперничества основных участников первой мировой войны. Захват огромных территорий сопровождался ликвидацией советских органов власти, восстановлением прежних порядков, разграблением материальных богатств.

Оккупируя окраины, страны Антанты в качестве ударной силы внутри России использовали чехословацкий корпус. Созданный в 1917 г. из пленных и эмигрантов чехов и словаков, вооруженный для борьбы с Германией корпус для участия в войне на Западной фронте решено было переправить в Европу окружным путем — по Транссибирской магистрали до Владивостока и далее морем. Эшелоны, в которых находилось до 30 тыс. солдат и офицеров, растянулись на тысячи километров. В мае части корпуса подняли восстание. Они объединили вокруг себя все антисоветские силы Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока.

В июне обозначилась линия фронтов. Она охватывала центр страны, остававшийся во власти Советов: от финской границы до Урала, от р. Белой по Волге до степей южного Урала, по Туркестанскому краю, от Каспия до Дона. За этой линией — крупные военные группировки: на Севере — армия Северной республики, на Востоке — чехословацкий корпус во взаимодействии с разнообразными антисоветскими воинскими формированиями; на Северном Кавказе — Добровольческая армия, созданная генералами Корниловым, Деникиным, Алексеевым; на Дону — казачьи соединения во главе с генералом Красновым.

За спиной этих армий формировались многочисленные местные правительства (в Архангельске, Самаре, Уфе, Омске, Екатеринославе и других городах).

Линии фронта разделили страну. Центр удерживался Советской властью под красными знаменами пролетарской диктатуры. Он включал крупнейшие промышленные центры, сплоченные отряды рабочего класса, транспортные узлы и разветвленные пути железнодорожного и речного сообщения, две столицы с централизованным аппаратом управления.

Культурные, экономические, кадровые ресурсы советской территории позволили в короткий срок фактически заново создать армию — Красную Армию. Отказавшись от добровольческого принципа набора, введя всеобщую воинскую повинность и назначения (вместо выборов) командного состава, военный наркомат сформировал регулярные части. За полгода численность Красной Армии выросла с 300 тыс. до 1 млн. Были мобилизованы офицеры — участники мировой войны, принесящие с собой опыт крупных военных операций. Численность «военспецов» достигла 50 тыс. Они служили во фронтовых частях, готовили новое пополнение, преподавали в академиях и военных школах.

На базе российской «науки побеждать» создавались новые командные кадры — из рабочих и крестьян. Появлялись яркие самородки — С.М. Буденный, Г.И. Котовский, Д.А. Фурманов, В.И. Чапаев, Н.А. Щорс и др. Но в ходе военных действий все большую роль играли офицеры, имевшие прочную научную подготовку и опыт мировой войны. В 1918 г. главнокомандующим Вооруженными силами Республики был назначен С.С. Каменев, бывший полковник Генерального штаба. В крупных военачальников выросли многие бывшие офицеры. В течение года поручик М.Н. Тухачевский стал командующим армией. Особенность Красной Армии — в ее прочном идейном и политическом

цементировании. Должность политического комиссара во всех частях позволяла вести постоянную воспитательную работу среди солдат, офицеров. Комиссар стал синонимом идеологической нетерпимости, беспощадности к врагам, фанатической преданности социалистическим идеалам. Сотни тысяч коммунистов, направлявшихся по мобилизациям в армию, внедряли коммунистическую идеологию в остальную «серую» массу военнослужащих. Руководил строительством Красной Армии нарком по военным делам Л.Д. Троцкий. Он же возглавлял высший военный орган — Революционный военный Совет Республики.

Иную картину представляла армия, создававшаяся под антисоветскими знаменами. Она была более многочисленной и лучше организованной, так как опиралась на имевшие опыт мировой войны кадровые соединения интервентов, дисциплинированные и хорошо обученные части казаков. У истоков ее стояли крупные военачальники, цвет российского офицерства. Армия использовала щедрую поддержку из-за рубежа, продукцию крупных промышленных центров (Урал), неограниченные запасы продовольствия. Но имелись и непреодолимые трудности. У руководства стояли люди, представлявшие разные партии, программы, течения (от социалистов до монархистов). Непреодолимая стена возникла между рядовыми солдатами (из крестьян, рабочих, казаков) и командным составом (значительной частью зажиточных слоев, дворян). Рядом сражались части, преследовавшие разные, подчас противоположные цели. При выполнении крупных стратегических планов не было налажено фактическое взаимодействие между отдельными фронтами, армиями. В результате острой конкуренции между военными лидерами не удалось создать единого командования.

Иными были и тылы воюющих лагерей. Советский лагерь опирался на сравнительно однородную массу русского населения, на крупные отряды индустриальных рабочих, малообеспеченное крестьянство потребляющих губерний. Тыл другого лагеря был более разнородным — по социальному, национальному, конфессиональному, хозяйственному признакам. Ход гражданской войны зависел в конечном итоге от того, удастся ли вождям воюющих сторон предложить политические программы, объединяющие их первоначальных сторонников и попутчиков.

Первый штурм частной собственности, предпринятый после Октября, сплотил помещиков, капиталистов, торговцев, верхние слои интеллигенции, офицерства, зажиточное крестьянство, казачество. Ответный их удар был сокрушительным. Перед лицом превосходящих сил вооруженные силы Советов откатились за Волгу. Были оставлены Казань, Ульяновск, Самара. Сказались неопытность многих командиров, слабая дисциплина в армии, плохое снабжение. Ценой больших жертв Красная Армия переломила ход боев на Восточном фронте; осенью началось контрнаступление, завершившееся в предгорьях Урала.

Тяжелое поражение, понесенное осенью 1918 г. Советской властью, вызвало с ее стороны отчаянную, беспощадную форму борьбы — массовый террор на фронте и в собственном тылу. Отвечая на крестьянские мятежи, активизацию враждебного подполья, провалы на фронтах, Совнарком 5 сентября принял декрет «О красном терроре». Поводом явилось покушение 30 августа эсеровских боевиков на Ленина, в результате которого он был тяжело ранен. В практику вошли массовые расстрелы «классовых врагов», заключение опасных элементов в концлагеря, взятие в заложники. ВЧК получила право расстрела без суда и следствия. Жестокость чекистов стала своеобразным символом Советской власти. Антисоветский лагерь не отставал с аналогичными мерами — те же застенки, скорые расправы, тысячи жертв. Страна содрогнулась от ужаса перед беззаконием и произволом. Гражданская война наглядно демонстрировала свои страшные законы.

Тяжелые бои шли на Южном фронте. Ключевую роль играл здесь Царицын. Неся огромные потери (исчислявшиеся десятками тысяч), удерживала город 10-я армия, которой командовал К.Е. Ворошилов. По Волге в центр поступали жизненно важные

нефть, хлеб, хлопок. Острые противоречия в регионе между Добровольческой армией, казаками, многочисленными народами Кавказа не позволили антисоветским силам организовать мощное наступление с юга на Москву. Нанося контрудары на Восточном и Южном фронтах. Красная Армия ограничивалась оборонительными боями на Севере, не позволяя войскам Северной республики соединиться с чехословаками.

Глубокой осенью 1918 г. обстановка на фронтах существенно изменилась. Германия и ее союзники потерпели поражение в мировой войне. В Германии и Австрии произошли буржуазно-демократические революции. Это позволило ВЦИК аннулировать унизительный Брестский договор. Германские войска покидали оккупированные ими территории.

На Украине была восстановлена Советская власть. Боннские части Советской Украины влились в Красную Армию. Оборонная мощь советского тыла возросла за счет промышленности Донбасса, хлебных районов Украины. Но усложнялась социальная обстановка. Более зажиточное крестьянство Украины не прошло суровой «школы» комбедов, продотрядов. Следовало учитывать их возможную острую реакцию на разверстку, массовое совхозное строительство на селе.

С окончанием мировой войны все ее участники лишались аргументов в пользу продолжения оккупации российской территории. Общественность США, Англии, Франции требовала возвращения солдат и офицеров домой. Разворачивалось широкое демократическое движение под лозунгом «Руки прочь от России!». Восстания солдат (на севере) и матросов (на кораблях французского флота на Черном море) ускорили начало эвакуации (в конце 1919 г.).

Осенне-зимняя кампания 1918—1919 гг. явилась решающей проверкой на прочность двух враждебных лагерей. В советском тылу нарастали экономические трудности, продолжались восстания и мятежи, с огромным трудом налаживалось централизованное управление. Однако режим продовольственной диктатуры удержался. Национализированные предприятия продолжали частично работать. Мобилизации позволяли комплектовать все новые полки Красной Армии. Фронт получал все больше продуктов и боеприпасов. Пролетарская диктатура устояла на ногах. С ней смирились основные группы населения города и деревни, так как важнейшие завоевания революции (земля — крестьянам, фабрики — рабочим, хлеб — голодающим) не были ликвидированы.

Суровый экзамен держали лидеры и противоположного лагеря. Им свой счет предъявила и аграрно-крестьянская, и национально-освободительная, и бедняцко-пролетарская революция. И результат был отрицательным. Программа антисоветского движения не предполагала радикального решения земельного вопроса (наоборот, в свои имения возвращались помещики), национального (отрицалось право на самоопределение народов, вплоть до отделения; по-прежнему насаждался принцип «единой, неделимой России»), социального (положение рабочих на частных предприятиях не изменилось).

Конфискация продовольствия и реквизиции лошадей, мобилизации в армии, высокие налоги, бюрократизм, произвол властей, массовый террор мало чем отличались от большевистских. Попытки создать демократические социалистические правительства — в Северной области (под руководством видного эсера Чайковского), в Самаре (от имени Временного комитета членов Учредительного собрания), в Омске (Сибирское правительство) — не увенчались успехом. Власть ускользала из рук социалистов, переходила к буржуазным организациям, а затем превращалась в открытую военную диктатуру. Колчак — военный министр в Сибирском (Омском) правительстве, опираясь на предпринимательские круги, офицерство, монархистов, интервентов, произвел политический переворот, провозгласив себя Верховным правителем России.

Предметный урок, данный разными российскими властями, определил дальнейшее поведение широких масс населения.

Колебания крестьян и народов национальных окраин, ярко проявившиеся летом 1918 г. (от большевиков в сторону их противников), сменились поворотом в противоположную сторону. И это предопределило в конечном итоге исход гражданской войны.

Но впереди было еще два критических периода. Первый — весной 1919 г. При поддержке интервентов планировалось организовать единовременное наступление всех антисоветских сил: генерала Юденича — из Эстонии на Петроград, генерала Миллера — с Севера на Вологду, Пермь, адмирала Колчака — в район Средней Волги, генерала Деникина — на Орел, Тулу. Эти армии были хорошо вооружены, имели превосходство в численности (более полумиллиона солдат и офицеров против 380 тыс. Красной Армии), военном мастерстве офицерского корпуса.

Весеннее наступление белых армий было успешным. Колчаку удалось захватить обширные районы Предуралья, однако перелом наступил достаточно быстро. Сказались внутренняя слабость антисоветского движения, амбиции ряда лидеров, претендовавших на руководство всем движением. Углублялся раскол между социалистами, кадетами, монархистами. Росло недовольство экономической политикой основной части армии — крестьян. В тылу белой армии росло массовое партизанское движение (на Урале, в Сибири). Начинался отход от белого движения национальных частей (так как их народы не получили государственного самоопределения, автономии), казачества (внутренне раскалывающегося по имущественному признаку). Боевой дух армии падал.

Летом началось контрнаступление Красной Армии на Восточном фронте. Захватив Урал, она двинулась в Сибирь, и в начале 1920 г. вышла к Байкалу.

Большого успеха добилась южная группировка антисоветских сил. Захватив в мае—июне 1919 г. обширные и богатые районы Дона, Северного Кавказа, Южной Украины, Деникин уже планировал опрокинуть советскую власть. 3 июля был отдан приказ «О походе на Москву». В результате летне-осеннего наступления Деникин овладел всей Украиной, захватил Орел, подошел к Туле с ее крупными оружейными заводами. В октябре наступил перелом. Против Деникина были брошены лучшие силы Красной Армии, уже накопившие значительный опыт военных операций. С заводов Урала увеличились поставки оружия. Но главную роль сыграл тот же фактор, что и на Восточном фронте, — развал тыла. Украинское крестьянство, отвернувшееся от Советов после введения весной 1919 г. разверстки, массового строительства совхозов, разочаровалось и в деникинских порядках. Крестьянская армия Махно, чутко реагируя на настроения сельских жителей, легко переходя из одного лагеря в другой, на этот раз в союзе с Красной Армией нанесла удар по деникинским частям на юге Украины. С оружием в руках поднялись рабочие Донбасса. Народы Северного Кавказа, отстаивая свои права на самоопределение, также громили тылы деникинской армии. Перелом наступил и в настроениях казачества. Оно ушло обещание центральных советских и большевистских органов исправить грубейшие ошибки, допущенные ими после Октября в отношении казаков. В декабре 1919 г. в Москве состоялся VII Всероссийский съезд Советов, призвавший к примирению основной массы казаков с Советской властью. Лишившись своих основных социальных опор, части деникинской армии откатывались к Черному морю. Весной 1920 г. из Новороссийска остатки армии морем эвакуировались в Крым, где перешли под командование Врангеля. Деникин с очередной волной эмигрантов оказался за границей.

Переброска частей Красной Армии с основных театров военных действий позволила разгромить на западе и севере армии Юденича и Миллера. Наступал финал гражданской войны. Осенью 1920 г. был освобожден Крым, в 1922 г. — Дальний Восток.

Обстановка на фронтах накладывала отпечаток на советской политике в тылу.

Глубокий кризис в экономике, разразившийся летом 1918 г., был многократно усилен начавшейся гражданской войной. От промышленного центра линиями фронтов оказались отрезанными районы, поставляющие сырье для промышленности (Средняя

Азия — с хлопком, Украина и Юг — с хлебом, Кавказ — с нефтью, Урал — с металлом). В результате германской оккупации были утеряны крупные промышленные районы — Прибалтика, Донбасс. Голод, разруха вызывали отток рабочих в деревню. Создание миллионной Красной Армии ложилось тяжелым бременем на все слои населения.

Экономическая политика Советского государства во всех направлениях приобретала черты вынужденности, чрезвычайщины. Она получила в дальнейшем название «военный коммунизм». Если в начале 1918 г. рабочие вместе с красногвардейцами штурмовали крепость капитализма, то к концу года сами оказались в осажденной крепости и вынуждены были жить по законам жестокой осады — лишения, уравнильность, предельное напряжение сил.

Полагаясь на спасительный инстинкт к самосохранению населения, центральные органы поддерживали его инициативы. На IV конференции профсоюзов и фабзавкомов Москвы в июне 1918 г. Ленин заявлял: «Власть — это мы. Хозяин промышленности, хозяин хлеба, хозяин всех продуктов в стране — это мы. Вот когда это сознание проникнет в рабочий класс глубоко, когда он своим опытом, своей работой удесятерит свои силы, только тогда все трудности социалистической революции будут побеждены». I Всероссийский съезд совнархозов взял курс на ускорение темпов национализации.

К осени было национализировано более 3 тыс. предприятий. Из них действовали лишь 1,8 тыс. Бывшие собственники лишались всяких доходов, поиск работы они вынуждены были вести через биржи труда на общих основаниях. К концу войны государство завладело уже 80% крупных и средних предприятий промышленности.

В городах частные доходные дома конфисковывались, «буржуи» уплотнялись, в их квартиры подсаживались рабочие, совслужащие. Ликвидировались последние частные, общественные, иностранные банки.

Основные продукты питания и товары широкого потребления распределялись по карточкам, талонам. В 1920 г. на содержании государства находилось до 38 млн. «едоков».

К концу 1918 г. было в основном завершено вытеснение частной торговли.

Весенний договор с потребкооперацией оказался недолговечным. Кооперативный аппарат потерял независимость, был насильственно подключен к государственной системе заготовки и снабжения. Декрет «О потребительских коммунах» (16 марта 1919г.) вводил всеобщее обязательное членство в кооперации.

Опыт Петрокоммуны (возникшего в Петрограде централизованного органа по карточному снабжению всего населения) распространился на другие города.

Голод и холод поселились в домах горожан. На «толкучки», рынки выносились фамильные драгоценности вчерашних состоятельных слоев, жалкие запасы жителей городских окраин.

Менялась жизнь заводов, фабрик. Рыночные отношения между ними затухали; заработная плата выдавалась не деньгами, а продуктами, товарами; вводилась уравнильность в оплате и снабжении. Не имея возможности прожить на зарплату, рабочие и служащие занимались кустарничеством (изготовлением домашней утвари, зажигалок и т.п.), спекуляцией. Всеобщим бедствием стали массовые хищения. Увеличивались прогулы. Заработали дисциплинарные суды. Население крупных городов таяло.

Безработица исчезла. Возникла задача привлечения в еще действующие предприятия рабочей силы. В декабре 1918 г. ВЦИК ввел трудовую повинность для всех граждан, в том числе и для школьников.

Для обеспечения ряда отраслей работниками (железнодорожный транспорт и т.п.) вводились трудовые мобилизации. В условиях тотального дефицита сырья, топлива, рабочих рук, продуктов питания и прочего спасала лишь жесткая централизация управления. Совет рабочей и крестьянской обороны (создан 30 ноября) во главе с Лениным руководил отраслями и учреждениями, обслуживавшими нужды армии. Для них

вводился военный режим работы. На армию работало более половины рабочих и служащих промышленности (более 800 тыс. из 1,4 млн.). В 1920 г. ряд тыловых армий был преобразован в трудовые армии — их использовали для подъема хозяйства.

Беспредельно расширялись полномочия центральных исполнительных органов власти (правительства, наркоматов, ведомств). Плодились все новые чрезвычайные органы. Чусоснабарм — Чрезвычайная комиссия по снабжению армии — получила диктаторские права по материально-техническому обеспечению фронта. Чекволап — Чрезвычайная комиссия по заготовке и распределению лаптей — стала своеобразным символом складывающейся системы управления. В основе этой системы лежали «простые» принципы, приемлемые при разваливающейся экономике и малоквалифицированных кадрах: монополизация произведенного продукта, централизованное распределение, натурализация обмена, приказной (директивный) метод управления, принуждение к труду. Эти принципы внедрялись во все отрасли экономики. Но наиболее ярко они проявились в сельском хозяйстве.

Осенью 1918 г. (после сбора урожая) в деревне были испробованы различные способы заготовки продуктов: частные закупки, натуральный продуктообмен, госзакупки по твердым ценам. Декретом ВЦИК от 30 октября была сделана попытка ввести натуральный налог на крестьян, но собрать продналог не удалось. Наилучшие результаты дала разверстка. Метод разверстания по губерниям, где имелись товарные запасы зерна, государственных заданий по заготовке хлеба был опробован еще царским и Временным правительством в 1916—1917 гг., однако он встретил сопротивление и частных торговцев, и помещиков, и крестьян. В 1918 г. выполнение разверсточных заданий (в пределах ряда губерний) подкреплялось уже силой продармии, комбедов.

В январе 1919г. по требованию Наркомпрода разверстка была распространена на все губернии, доходила до каждого уезда, деревни, двора. Крестьянину оставлялось зерно для личного потребления, посева, прокорма скота, остальное («излишки») изымалось по «твердым» (т.е. низким) ценам, фактически бесплатно. Силой оружия часто забирались и продовольствие, по закону не подлежавшее изъятию. Крестьянин обрекался на голод, разорение. Беднота помогала продотрядам собирать разверстку с зажиточных крестьян и середняков, так как ей перепадала часть заготовленных продуктов. Для бедноты предназначались и промтовары, направлявшиеся из города. К 1920 г. система разверстки охватывала все основные продукты сельского хозяйства; хозяйственная инициатива крестьян была парализована. Под натиском разверстки крестьяне сокращали посевные площади, поголовье скота, старательно прятали свои продукты.

Аграрная революция 1917—1918 гг. усилила деградацию деревни, разверстка ее подстегнула.

Осенью 1918 г. при ликвидации комбедов Ленин признал «тяжесть и жестокость» продовольственной диктатуры, при разверстке легче не стало.

Введение разверстки подтолкнуло советские органы к расширению социалистического сектора в деревне. Постановление ВЦИК от 14 февраля 1919 г. выдвинуло задачу перехода «от единоличных форм землепользования к товарищеским» на основе коммун, совхозов, товариществ. Ставились первые опыты коллективизации. Но «коммунию» деревня не приняла.

Программа партии, принятая в марте 1919г. VIII съездом РКП(б), уже напрямую связывала «военно-коммунистические» меры с теоретическими представлениями о коммунизме. Ставились задачи завершить экспроприацию буржуазии, перейти от торговли к продуктообмену, от индивидуального крестьянского хозяйства — к коллективному, от денежного — к безденежному хозяйству, от рыночного — к максимально централизованному плановому хозяйству.

Советские лидеры оправдывали проводимую экономическую политику условиями разрухи, голода, блокады. Но чем дальше, тем активнее внедрялась мысль о совершаемых непосредственных шагах к коммунизму.

Эти коммунистические утопии захватили не только большевиков, но и рядовых участников революции. На основе военно-коммунистических мер разрабатывали пути перехода к социализму в своих выступлениях, статьях, книгах Ленин, Бухарин, Троцкий, другие лидеры большевистской партии.

12 апреля 1919 г. рабочие-коммунисты станции Сортировочная Московско-Казанской железной дороги вышли на субботник по ремонту паровозов. Работали напряженно, ведь транспорт разваливался; с Восточного фронта нависала очередная угроза. Денег за работу не взяли, зарплата и так была нищенской. Этот опыт бесплатного труда начал использоваться на транспорте, на заводах, в учреждениях. Субботники получили название «коммунистических». 28 июня Ленин опубликовал статью «Великий почин» (о героизме рабочих в тылу; по поводу «коммунистических субботников»). Суровую, вынужденную меру он расценил как свидетельство наступления коммунистического отношения к труду (сознательного, коллективного, бесплатного). Статья явилась сигналом для широкого внедрения субботников (по заготовке топлива, расчистке железнодорожных путей, благоустройству городов, поселков, помощи зарубежным революционерам и т.п.).

Во Всероссийском первомайском субботнике 1920 г. приняли участие уже 1,5 млн. рабочих, служащих, красноармейцев. В их числе при уборке территории Кремля работал и Ленин. Так бескорыстный порыв группы рабочих обратился в «теорию коммунистического труда», чтобы вернуться в виде суровых декретов по проведению очередных хозяйственных и политических кампаний.

Жесткие рамки складывавшейся большевистской идеологии мешали перестройке экономической политики даже тогда, когда закончилась гражданская война. Действуя по инерции, правительство в ноябре 1920 г. приняло решение о национализации мелкой промышленности, в декабре — об отмене оплаты за топливо, за продукты питания и товары широкого потребления, в январе 1921 г. — за коммунальные услуги. Моссовет ликвидировал Сухаревский рынок...

«Военный коммунизм», рожденный войной и разрухой, стихией национализации, стал первым широкомасштабным коммунистическим экспериментом.

§ 5. Эпилог

Многообразные итоги и результаты состоявшейся Великой российской революции обычно характеризуют грандиозностью масштабов разрушения старого и рождения нового. В числе первых — обобществление основных средств производства, уничтожение помещиков в деревне и крупной и средней буржуазии в городе, ликвидация дореволюционной системы управления и механизмов подавления и угнетения, резкое снижение роли религии и церкви в обществе, свертывание рыночных отношений, разрыв связей между интеллигенцией и предпринимательскими слоями (по мере уничтожения тех и других) и т.п. В числе вторых — рожден нового типа государства (Советского), установление однопартийной (большевистской) системы, вовлечение в преобразовательную деятельность огромных масс населения, утверждение новых принципов и идеалов общественной жизни, распад империи и перестройка отношений между этносами, населявшими Россию, и др. И наряду с этими характеристиками — констатация огромных материальных и людских потерь, «отхода» в эмиграцию интеллектуальной элиты, разрушения экономических связей между регионами, отторжения большинства населения от собственности и предпринимательства, изоляции России на международной арене и потери ею былых позиций в решении мировых проблем, отбрасывания страны во всех областях общественной жизни на десятилетия назад.

Все это — в видимом спектре и фиксируется невооруженным глазом. На поверхности лежит и вывод о том, что с помощью революции был сделан первый и не самый крупный шаг в разрешении накопившихся в России к началу XX в. противоречий.

Сняты были лишь те из них, которые касались насущных, злободневных потребностей и интересов беднейшей части населения, не требовали больших интеллектуальных усилий, мобилизации значительных средств; решались «простейшие» задачи разрушения, захвата, раздела, принуждения... На потом были оставлены наиболее сложные проблемы, затрагивавшие интересы государства и общества в целом, преследующие крутую модернизацию всех областей общественной жизни, не формационный, а цивилизованный «скачок».

Но были еще результаты революции, которые лишь в последние годы становятся объектом исследования. Речь идет о природе возникшей власти, собственности, правящей партии и строя в целом.

Во-первых, о тех, кто властвовал. Революция вручила свою судьбу в руки «наинизших низов», от имени которых большевики наивно рассчитывали прийти к самому прогрессивному и справедливому строю. С этого уровня социальной активности, освобожденной от привычных норм правопорядка, законности, от традиций, социальной субординации и подчинения, чувства уважения к частной и личной собственности, поднималась волна жестокости, социальной мести за былые унижения и эксплуатацию. «Черный передел» земли и собственности, развернувшийся в деревне, становился в крестьянской стране камертоном для всех преобразований и в городе. Жертвами становились и мораль, и нравственность, и религия. Тотальный передел собственности становился тем величайшим злом, который уродовал лицо революции. Отбрасывались как ненужный хлам знамена и транспаранты со словами о свободе, равенстве, демократии. В руки брались привычные булжик, оглобля, винтовка. Далее следовали и неизбежные спутники — криминализация общества, бюрократизация аппарата, взятки, «растаскиловка», спекуляция, бандитизм...

Одно из важнейших «завоеваний» революции — доступность власти. В широко открытые ворота новых органов управления хлынула «народная» волна и романтиков революции, и привычных к политической работе партработников (из большевиков, представителей других социалистических партий), и прежнего чиновничества, а также всякого рода властолюбцев, «оборотней», готовых служить всякому во имя материальных льгот. Все эти категории пополнялись за счет рабочих, крестьян, интеллигенции, других социальных групп. Безграничная власть («диктатура») особенно влекла к себе переходные группы, маргиналов, находивших в сфере управления наиболее легкий путь быстрого и радикального изменения своего социального статуса, перемещения в среду элиты.

Ожесточенная борьба вокруг и внутри новой системы управления, специфические критерии отбора кадров — по степени преданности «идее», по партийности, социальному происхождению («из рабочих», «из бедняков») — быстро формировали у представителей всех властных структур дух замкнутости, корпоративности, что не мешало расцвести групповщине, склокам. Идеи мировой революции усиливали настроения особой исторической миссии, избранничества, жертвенности. Представители партийных, советских, хозяйственных, военных, карательных, комсомольских, профсоюзных и прочих начальствующих органов спланивались в своеобразный орден. Подпитываемый из всех слоев населения, этот «орден» постепенно обрывал обратные связи, выводя своих членов из-под контроля масс. Власть в руках новой элиты становилась их первой формой собственности, определяя материальный достаток (в тот период еще относительный), привилегии, перспективы на будущее, авторитет в глазах населения. По своему фактическому положению из этой группы формировался новый господствующий класс; до завершения процесса его становления было еще далеко (до конца 30-х гг.), однако все основные черты были уже налицо.

Этот слой (класс) в силу специфического происхождения (сугубо революционного) выступал и главным носителем инерции революционного движения, выдвигая из своей среды необходимые отряды идеологов, организаторов, верных стражей и защитников

сложившихся порядков, лишь в рамках которых они могли найти (сохранить) свое место и в будущем.

В грохоте гражданской войны, через «военный коммунизм» наряду с новым властоносителем рождался скрытно и новый собственник на средства производства и обращения. Массовая национализация промышленности, транспорта, торговли, банков, жилого фонда привели к концентрации в руках Советского государства неисчислимых богатств. Высочайший темп тотального обобществления не позволял параллельно вырабатывать какие-то действенные механизмы широкого демократического контроля за использованием этой наспех создаваемой формы собственности. Всевластным распорядителем ее становился новый многочисленный, но сравнительно узкий по отношению ко всему населению страны слой управляющих. Еще не устоявшийся за годы революции, текучий, без явно очерченных функций и прав, без философии управления в новом государстве, он тем не менее четко уяснил свою роль в распоряжении народным богатством. Его права были жестко закреплены системой государственных монополий на важнейшие отрасли экономики, произведенные продукты, средства обращения. Выйдя из народа, заполнив бесчисленные коридоры власти, новые коллективные собственники быстро «метили» границу, отделявшую их от этого народа. Трудповинности, трудовые армии, разверстка, дисциплинарные суды и революционные трибуналы, карточное нормированное распределение и т.п. меры противопоставили новый социальный слой в равной мере и рабочим, и крестьянам, и всем другим категориям трудящихся. Таким образом, под флагом, а точнее — за ширмой государственной складывалась фактически узкогрупповая, корпоративная собственность. Поменяв владельцев, она не изменила своей сути — быть средством обогащения одних и эксплуатации других. Различными организационными и идеологическими средствами эта трансформация тщательно скрывалась. В ход шли «теории» социалистической коллективной собственности, всенародного кооператива (коммуны), диктатуры пролетариата и ведущей роли рабочего класса, представительства трудовых коллективов в органах управления, новой роли профсоюзов как «школы коммунизма», социалистического соревнования и т.п. Тем самым рождался один из наиболее широко распространенных и устойчивых мифов об «общенародной» собственности.

Столь же скрытно, но столь же неумолимо менялась и природа большевистской партии. Все больше отрываясь от масс, широко используя репрессивные меры по подавлению инакомыслия, недовольства (продотрядами, заградительными отрядами, массовыми расстрелами на фронте, политикой ВЧК), партия находила для себя новую социальную опору в лице армейского и тылового начальства. Став после Октября партией власти по своей функции, она затем становилась ею и по составу, рекрутируясь во все большей мере за счет чиновников, игравших в ней «первую скрипку», и по философии, теории, методам управления. Совершив невидимую глазу быструю эволюцию, подпитываясь корыстными корпоративными интересами элитарного слоя «совслужащих», большевистская партия попадала в заложницы данного слоя и данного интереса. Попытки Ленина как-то воспротивиться этому процессу с помощью партийных чисток, изменения правил приема в партию, системы выдвижения рабочих «от станка» были обречены на поражение, так как не учитывали неизбежной тенденции смыкания правящего класса и правящей партии.

Однако этот очевидный факт становился очередной «тайной», которую старательно оберегала партия все 70 лет своего господства. Хотя профсоюзная дискуссия конца 1920 г., всесторонне рассмотревшая сложившуюся ситуацию во взаимоотношениях партии и рабочего класса и других групп населения, уже фактически констатировала состоявшийся разрыв между ними. Появление в партии групп «Демократического централизма» и «Рабочей оппозиции» четко зафиксировало пройденный рубеж. История партии рабочего класса завершилась, на смену ей нарождалась (под старым названием) новая партия новых элитарных групп населения. Перерождение революционной партии в

иную (какую?) по мере углубления и завершения революционного процесса, столь ярко проявившееся в ходе Великой французской революции (на примере якобинцев), получило новую иллюстрацию через историю российской революции.

И еще одна черта (в тех же невидимых лучах), связанная с влиянием Российской революции на так называемый «цивилизованный мир». Передовые страны наиболее остро отреагировали (если оставить в стороне отказ России от своих обязательств в мировой войне, от финансовых обязательств по займам и кредитам, национализацию иностранной собственности, разгул кровавого террора, слом демократических институтов и т.п.) не на социализм, а на его крайности. С социализмом они были хорошо знакомы, внедряли (допускали) его отдельные элементы уже с конца XIX в. Социализм входил в практику общественной жизни капиталистических государств через деятельность социал-демократических партий, рабочее законодательство, профсоюзное движение, систему социальной защиты, опыты социального партнерства и другие формы и направления, демонстрируя ряд преимуществ в соревновании с отношениями частнособственнической эксплуатации. Наличие таких социалистических компонентов было предпосылкой общенационального согласия, стабильности, демократизации. Руководящие круги буржуазных государств отвергали «излишества» российского социалистического эксперимента, социальную нетерпимость, ожесточенную классовую борьбу, большевизм. Поэтому они отреагировали на победу революции в России не свертыванием собственного социалистического поля, а его дальнейшим постепенным расширением, рассматривая его в качестве неперемного условия перехода буржуазного общества в новое состояние, когда становились возможными шведские и прочие «модели социализма». Российская революция не прервала закономерного шествия социализма, но наглядно убедила в утопичности «построения» «чистой» модели социализма, искусственного вырывания социалистического компонента из контекста общецивилизованного развития. Опыт передовых стран подсказывал, что социализм служит прогрессу лишь как часть более широкой социальной системы, основанной на частной собственности, рыночных отношениях, многоукладности, как часть, непременно конкурирующая, нейтрализующая крайности других компонентов, и через эту конкуренцию обеспечивающая неумолимый прогресс мировой цивилизации.

Во всех этих не только скрытых еще по существу, но и тщательно скрываемых от участников революции и мирового общественного мнения характеристиках возникающей общественной системы были заключены ее базовые черты. Революция растоптала идеалы революционеров, родив нечто, никем не предвиденное и никому неведомое (в рамках предшествующего опыта мировой истории). За ширмой народности скрывался узкий интерес тех, кто присвоил себе результаты революции: вместо высшей демократии установился режим диктатуры, вместо союза, единения трудящихся — антагонизм отдельных групп городского и сельского населения, вместо личной свободы — система принуждения в интересах нового государства и новой элиты. Политический словарь не имел терминов для обозначения такого новообразования. Оно несло в себе пеструю смесь черт госкапитализма, госсосоциализма, тоталитаризма, партийной диктатуры, уравниловки, казарменности и т.п. Задача историка и политолога найти нужное определение. В качестве «строительных материалов» могут быть использованы такие характеристики, как аномальность, опора во имя собственного самосохранения и укрепления на режим террора, привлечение широких масс населения методом постоянных частных подачек и ширококвещательных посулов утопических картин светлого будущего. На разных этапах функционирования этой системы возникали различные сочетания данных черт, но в совокупности они определяли состояние неустойчивости, закономерности глубокого кризиса и саморазрушения вслед за этапом «полной и окончательной победы».